

МИСС РОБИН ГУД

МАРИНА
СЕРОВА

Мишень для
сердечных ударов

Мисс Робин Гуд

Марина Серова

Мишень для сердечных ударов

«Научная книга»

2009

Серова М. С.

Мишень для сердечных ударов / М. С. Серова — «Научная книга», 2009 — (Мисс Робин Гуд)

Благодаря уму и деловой хватке Ирина достигла в жизни больших высот, что позволило ей вести приятный образ жизни и содержать красавчика Сергея. А кроме него, как оказалось, и целую свору прелестниц, запавших на богатенького мачо. Что ж поделаешь, если в свои тридцать пять Ирина жалуется на сердце и плохо выглядит. Целительница Серафима, рекомендованная мужем, в открытую советует бросить юдоль земную и уйти в монастырь, отписав имущество в сиротский приют. Полина Казакова, известная в городе как Мисс Робин Гуд, выводит шуструю компанию на чистую воду и заставляет не только покаяться, но и принести обществу пользу. Ибо наказать преступника – легко, а вот обратить его злодеяния во благо – куда сложнее...

© Серова М. С., 2009

© Научная книга, 2009

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	25
ГЛАВА 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Серова

Мишень для сердечных ударов

ГЛАВА 1

– Я ошиблась, – покачала головой седая дама с добрыми уставшими глазами, – это была не порча.

Женщина, сидевшая напротив нее, облегченно вздохнула и откинулась в кресле.

– Слава богу! Это так страшно, когда кто-то тебе так сильно желает зла.

– Я ошиблась, – упрямо повторила дама, – это проклятие.

На лицо ее клиентки словно набежала черная туча. Какое-то время она переваривала услышанное, потом с надеждой заглянула в глаза целительнице:

– Значит, надо только применить другие методы, и все будет хорошо? Я опять буду здорова?

– Значит, жить вам осталось совсем немного. И спасти вас может только чудо, – пряча глаза, ответила целительница.

Каким бы мужеством ни обладал человек, какие бы силы ни стояли у него за спиной, сообщать такое всегда бывает трудно.

– Чудо, – машинально повторила женщина, – чудо. Чудес не бывает.

– Не гневи Господа, – строго поправила ее целительница, – вся наша жизнь и есть чудо. Никакие врачи, маги, ученые не могут сотворить того, на что способен он. Иди домой, успокойся, сходи в церковь. Я подумаю, чем тебе можно помочь.

– Я приду завтра?

– Нет. Не путай меня с участковым врачом. Это он может почитать литературу, посоветоваться с коллегами. Мне же должно прийти озарение свыше. Не торопи, один раз из-за твоего неумения ждать мы уже ошиблись.

* * *

– Полина! Тут такое дело! Такое! – захлебывалась в телефонную трубку моя лучшая подруга.

Я поморщилась и немного отвела от уха руку, в которой был зажат телефон: я искренне привязана к Алинке, но ее манера кричать в трубку могла напрочь отбить желание общаться.

– Нужна твоя помощь. Промедление смерти подобно. Представляешь, я попала в автокатастрофу.

Этого еще не хватало!

– Ты в порядке? – закричала в трубку уже я. – Пострадавшие есть? Авария по твоей вине?

– Есть, есть пострадавшие, – весело отозвалась Алина, вдохновленная моим интересом, – еще какие пострадавшие! Если ты дома, то минут через пятнадцать буду у тебя, я на машине.

Это хорошо, что на машине. Это значит, что громким словом «автокатастрофа» подруга назвала, скорее всего, легкую дорожную неприятность, иначе она сейчас не сидела бы за рулем своего авто. Смущало меня лишь наличие «пострадавших». Алина непредсказуема, угадать, что она имела в виду, невозможно, остается только ждать. Чтобы не мучится догадками, я отвлекла себя приготовлением кофе: все равно не отвертись, первым делом моя подруга всегда топает на кухню. А все-таки интересно, какая помощь ей от меня нужна? Скорее всего, юридическая. Влипла в мелкую неприятность и желает сэкономить на юридической консультации: почему бы не воспользоваться высшим образованием и опытом подруги?

Через стекло террасы я увидела, как возле моего дома резко затормозила знакомая машина: металл не покорежен, пятен крови на копоте нет, подушка безопасности из окна не торчит, в общем, все в относительном порядке. Через полминуты целая и невредимая Алина уже хлебала обжигающий кофе, откусывая, по своему обыкновению, прямо от плитки шоколада.

– Помнишь, я тебе говорила, что записалась на курсы семейных психологов? Вчера было первое занятие, я поняла, что живу неправильно, и решила сегодня с утра начать новую жизнь. Понимаешь, я никогда не следовала каким-то правилам, поэтому все в моей жизни шло не так, как хотелось. Вот я и решила начать с малого. Еду я себе спокойненько, не нарушаю, аккуратно так, по сторонам не смотрю, только на знаки и дорогу. Ну, еще в зеркала, на машины красивые, водителей, а еще в одном «мерсе» такая собачка хорошенькая ехала, просто восторг! Жаль, что за рулем женщина была, а не мужчина, я бы с ним точно познакомилась! Засмотрелась я на эту собачку и не заметила, как впереди на светофоре машины притормаживать начали. Еле остановиться успела!

Алина сама плеснула себе из джезвы еще кофе и продолжила:

– Я-то успела, а вот задняя машина – нет. Ну и ткнула меня тихонечко. Представляешь, какие ротозеи у нас на дороге встречаются? Я только неделю как поворотник поменяла, только пару часов, как новую жизнь начала, а тут – такое. Ну, я и не сдержалась немного. Выскочила из машины и давай выкладывать, все, что о водителе думаю. Смотрю, а за рулем женщина. Уронила голову на руль и трясется вся. Я сначала испугалась, подумала, она пострадала и бьется в конвульсиях, а потом смотрю – плачет. Тут я сразу вспомнила, что я семейный психолог, успокоилась сама и ее начала успокаивать. Что же мне, из-за какого-то поворотника квалификацию терять? Не стали мы с ней дожидаться страховщиков, припарковались рядышком и засели в кафешке какой-то. Ой, слушай, у них такой десерт интересный делают, бисквит то-о-оненьким слоем, а на нем...

– Алина! – прервала я ее. – Потом о бисквите.

– Ага, – согласилась она, – потом. Сначала о деле.

Алине с трудом удалось успокоить всхлипывающую женщину. Не буду спорить, подруга умеет вызывать доверие, к тому же стрессовая ситуация, видимо, способствовала взрыву эмоций, поэтому, скорее всего, женщина, ее звали Ирина, и поведала Алине обо всех своих бедах.

Ирина принадлежала к категории так называемых сильных женщин. Она умела ставить перед собой цели, умела их добиваться, но не совсем умела разбираться: что в жизни главное, а что второстепенное. Почти мужской ум и хватка помогли ей сравнительно легко достичь максимально возможных карьерных высот: в контексте маленького провинциального Горовска она имела весьма неплохой заработок и высокое положение. По крайней мере, могла позволить себе купить просторную квартиру, автомобиль престижной марки, небольшую загородную дачку. Также Ирина не отказывала себе в некоторых составляющих женского счастья: отпуск проводила, как правило, за границей, в выходные находила время на посещение салона красоты, по сезонам меняла гардероб, великодушно раздавая слегка поношенные вещи менее удачливым подругам и родственницам. Да, и главное: ей по карману было содержать ласкового и страстного мужчину, не рохлю какого-нибудь и нытика, а сильного, породистого, загорелого, с длинными идеальной формы пальцами и рельефными мышцами пресса. И это сокровище было не каким-нибудь жигалом, а законным мужем!

Детей, правда, им бог не дал. Сереже все не удавалось найти высокооплачиваемую работу, а оставить свою, лишиться места, потерять квалификацию Ирина никак не решалась. Ребенок должен приходить в этот мир без проблем и загвоздок, только так Ирина понимала материнское счастье. Ничего, ей еще нет сорока, успеет. На западе и позже рожают. Только вот со здоровьем в последнее время что-то не ладилось. Сначала Ирина списала участвовавшие головокружения на усталость, но после долгожданного отпуска головокружения перешли

в обмороки, она начала противно и неудержимо потеть, сердце, до того спокойно стучавшее, стало так биться о ребра, что казалось, оно прорвет тонкую блузку. А еще оно время от времени мягко проваливалось куда-то вниз, как бывает на каруселях или в воздушных ямах. Это было даже приятно, но неправильно. Да и долго не замечать Ириноного состояния на работе не могли: какому работодателю понравится, если ведущий сотрудник время от времени закатывает глаза и валится на бок? Ирина, конечно, ценный специалист, но из таких ценных – очередь на проходной.

Женщина пошла в местную поликлинику, врач, бесцветная тетка, лениво сняла кардиограмму и посоветовала пить витамины. При приступах – валидол под язык.

– А что вы хотите? Не девочка. Организм изнашивается.

Услышать такое в 35 лет неприятно. Да и не верится как-то. Ей еще ребенка родить надо, сад посадить... Ой, а Сережа? Неужели и он сможет понять, что она просто элементарно стареет? Она же старше его всего на два года!

– Киса, чего ты хочешь от этих зачуханных нищих теток? Они до сих пор лечат по институтским тетрадошкам. Да и диагностическое оборудование у нас в поликлинике допотопное. Нет, тебе надо взять отпуск за свой счет и поехать на обследование в Москву, а еще лучше, – за границу. Мы ведь можем себе это позволить? Если хочешь, я поеду с тобой, а если это слишком дорого, буду ждать тебя здесь, – предложил Сережа.

Ирину захлестнула волна нежности. Но в компании, где она работала, не принято было брать отпуска за свой счет, даже по состоянию здоровья, особенно по состоянию здоровья. Она так боялась потерять место!

– Ничего, я пойду работать, – продолжал уговаривать ее Сергей, – ну и что, если по специальности найти работу мне так и не удалось, можно работать грузчиком, каменщиком, вышибалой в ночном клубе. Я так люблю тебя! Я так хочу, чтобы у тебя все было хорошо!

На глаза Ирины навернулись слезы, и, чтобы скрыть их, она уткнулась в крепкое, пахнущее дорогим парфюмом плечо. Его красивые длинные пальцы скользнули в теплую подмышку женщины, и некоторое время супружеской паре было не до свалившихся на них неприятностей. Когда страсти утихли, Сергей приподнялся на локте и весело предложил:

– Слушай, все жены моих друзей просто потеряли голову от местной целительницы, некой госпожи Серафимы. Давай я достану тебе ее телефон?

– Брось, Сережа, это все несерьезно, – лениво отмахнулась Ирина. – Ну что она может, эта твоя целительница?

– Все. Лечит, сканирует ауру, снимает порчу. Ты же прогрессивная женщина и понимаешь, что просто так ничего не бывает. Красивая, богатая, успешная, – и чтоб никто не завидовал? Ты можешь тоннами глотать валидол, а в это время насланная на тебя порча будет точить тебя изнутри. Иришечка, не стоит пренебрегать никакими методами. Тем более что ехать никуда не надо, найдешь свободное время в выходные или после работы. Соглашайся! А то я откажусь жить со старой развалиной, в которую ты превратишься. Я мужчина активный, и мне нужна сильная здоровая женщина.

Последняя шутка была решающей, Ирина согласилась записаться на прием к госпоже Серафиме.

В этом месте Алина сделала эффектную паузу.

– И ты знаешь, что заявила ей целительница?

– Не знаю, – призналась я.

– На нее действительно наслана сильнейшая порча! – с торжеством произнесла Алина.

– Не может быть, – ахнула я. – Нет, я понимаю, если бы гадалка объяснила неполадки со здоровьем экологией, возрастом, усталостью, плохим питанием, но чтобы порчей... невероятно!

– Дразнишься? – обиделась Алина. – А я тебе не сказала еще самого главного. Ты знаешь, кто наслал на нее порчу?

– Муж, конечно?

– Фигушки! Лучшая подруга! Вот так, всю жизнь дружили, вместе переживали радости и печали, и вдруг – такое.

– О подруге ей рассказала гадалка? – усомнилась я.

– Не гадалка, а целительница, это разные вещи. Конечно, она не прямо сообщила ей имя и фамилию, а описала внешность вредительницы, особые приметы, даже назвала начальную букву имени. Все сошлось. Мы с тобой должны покарать лицемерку. Виданное ли дело, желать смерти лучшей подруге только из-за того, что у той в жизни все так хорошо устроилось!

– Да, некрасиво, – поддержала ее я. – Такое не прощается. И как же мы будем ее карать?

– Жестоко. Вот взять, к примеру, тебя: у тебя роскошный дом за городом, денег – куры не клюют, весь день валяешься в саду с чашкой кофе и томиком Гончарова, и не на старой ржавой раскладушке, а на ротанговом кресле-качалке. А я вынуждена таскаться с авоськами на шестой этаж, потому что лифт все время не работает, жить с родителями, работать все дни напролет. Это несправедливо. И вот я, вместо того чтобы радоваться за тебя, решаю наслать на тебя мор. Понравится тебе это? Полина, ну, встряхнись! Ты ведешь себя, как моль в кармане шубы. Тепло, сытно, уютно и зима не скоро.

Я задумалась. В чем-то моя подруга была права. Я действительно могла считать себя весьма обеспеченной женщиной, и хлеб свой зарабатывала не у валяльного станка во вредных условиях. С некоторых пор я работала «мстителем по вызову». Началось все с того, что я разделаюсь с человеком, убившим моих родителей, потом разобралась еще в одной истории и наказала мерзавца, подставившего невинного, затем вошла во вкус и стала получать за свою работу деньги. Вы даже не представляете, каково это: сменить службу юристконсульта кирпичного завода на дело, которое приносит не только моральное удовлетворение, но и весьма высокие дивиденды. Для непосвященных я маскировалась под частного детектива, а до конца посвящен в мои дела был только мой дед, Аристарх Владиленович, или Ариша, как позволяла я себе его называть, и, отчасти, Алина. Наверное, со стороны я действительно производила впечатление богатой бездельницы и мой образ жизни мог вызвать у кого-то зависть. У кого угодно, только не у Алины.

– Не понравится, – решила я. – Тащи сюда свою жертву автогонок. Будем разбираться.

Нельзя сказать, что я поверила в эти бредни и решила поучаствовать в играх с магией, но что-то в этой истории меня зацепило. А, в общем, Алина права, мне действительно требовалось встряхнуться.

* * *

Жертва черной магии выглядела так, как и положено выглядеть подобным жертвам: очень бледная, нездорового оттенка кожа, синеву под глазами не может скрыть даже дорогой корректор, пальцы нервно и лихорадочно крутят обручальное кольцо из белого золота с небольшим, но чистым камнем.

– Юлька всегда мне завидовала. Она не признавалась, но я печенькой чувствовала: завидует. О чем бы ни говорили, что бы ни обсуждали, все склонялось к одному: у меня есть то, чего нет у нее.

– Например? – поинтересовалась я.

– Я всегда хорошо выгляжу, и она каждый раз с завистью говорит об этом. У меня нет бытовых проблем, а у нее то лифт встанет, то машинка стиральная сломается, то воды горячей нет, то сторона солнечная и летом жарко. Понимаете, я целенаправленно работаю над тем, чтобы все в моей жизни было подчинено гармонии, это не так сложно, главное – хотеть! А

Юлька не хочет. Не хочет искать высокооплачиваемую работу, машет руками при одном только слове «ремонт», впадает в ужас при намеке на фитнес. Даже детей нарожала, не подумав, что сможет им дать. Представляете, оба от разных мужей, живут в однокомнатной квартире, учатся в заурядной школе по месту жительства.

– Но зависть бывает не только черная, – не согласилась я.

Почему-то на месте Юльки мне настойчиво виделась Алина: а что, у них действительно много общего. И по логике клиентки, моя подруга должна просто сгорать от зависти ко мне.

– Белую зависть придумали идеалисты, – усмехнулась моя визави. – Если тебе очень чего-то хочется, а это что-то вдруг появляется у близкого тебе человека, это раздражает еще больше. Судите сами, зависть к Билу Гейтсу, например, гораздо менее острая, чем к соседке, купившей третью шубу. Я не права?

В ее словах была определенная логика, и все же доказательств того, что именно Юлька желала ей смерти, не было. Словно подслушав мои мысли, она полезла в сумочку и выложила на стеклянный столик несколько предметов.

– Я нашла это в Юлькином рабочем столе. Пришла как-то к ней без предупреждения, она работает терапевтом в городской поликлинике, на рабочем месте ее не оказалось. Медсестра меня знает, поэтому позволила дожидаться подругу в кабинете. У них все запросто, поэтому я села на Юлькино место и решила написать ей записку, так как сотовый ее лежал тут же, и позвонить я не могла. У нее бардак даже на рабочем месте: представляете на столе – ни одной ручки! Я решила поискать в столе, а там...

Ирина аккуратно достала из пакета куклу, явно выполненную кустарным способом. Пузатая игрушка была сшита из фланели, из ее круглого живота торчало с полдюжины иголок и булавок.

– Видите? Зеленые пуговицы вместо глаз, а у меня глаза с зеленоватым оттенком, и нитки для волос подобраны идеально в тон моим.

– Не убедительно, – парировала я.

Еще не хватало потакать бредням истерически настроенной тетki. Я уже жалела, что поддавалась на Алинины уговоры.

– Вот, – не сдавалась она, – платочек с землей. Его я нашла у себя под кроватью после посещения этой особы. Земля, как мне объяснила Серафима, кладбищенская, платочек – Юлькин. Из набора, который я дарила ей к Восьмому марта. Это очень дорогие платки, я привезла их из Брюсселя. Ни у кого в нашем городе таких быть не может.

Это уже интересно. Либо теток кто-то сталкивает лбами, либо этой Юльке действительно не дает покоя благополучие подруги. Ирина тем временем словно из ларца фокусника доставала разные предметы: булавки, которые она находила воткнутыми в косяк своей двери, фотографии, где на ее изображении были выколоты глаза, полусгнившее яблоко с вырезанной сердцевинкой. У каждого из них была своя история, и каждая история так или иначе связывалась с именем ее подруги.

– Но самое главное, – со значением произнесла Ирина, когда вещественные доказательства закончились, – это то, что на нее указала госпожа Серафима. Вы в курсе, что Серафима – целительница, которая помогает мне бороться с болезнью? Это именно она объяснила, что мои проблемы связаны с проклятием. Сначала госпожа Серафима указала на косвенные улики против Юльки, а когда я принесла фотографию, подтвердила, что это она. И самое главное...

Самым главным оказалось то, что проблемы со здоровьем у Ирины начались тогда, когда лучшей подруге было отказано от дома. По словам Ирины, дурить Юлька начала давно, когда в доме Ирины только появился Сергей. Она сразу положила глаз на эффектного мужика: еще бы, у нее-то давно никого не было. Отцы ее детей сбежали от нее давно, случайные связи заканчивались быстро, Юлька просто патологически не умела удерживать возле себя мужчин. Поэтому с первого дня начала строить глазки Сергею. Тот сначала галантно подыгрывал оди-

нокой женщине, пока не понял, что простой товарищеский флирт ее не устроит. Между ними состоялось некрасивое и бурное объяснение, Юлька еще несколько раз пыталась соблазнить мужа подруги, пока тот не признался во всем жене. Именно от него Ирина узнала, что подруга с первых дней знакомства пыталась его у нее увести. Ирина, не долго думая, разорвала с вероломной все отношения. Тут-то и повалились на нее несчастья. Мало того, что чуть ли не каждое утро какие-то гады прокалывали покрышки ее авто, так и лифт стал застревать с подозрительной регулярностью, каблуки на дорогих туфлях ломались как на купленных в переходе, нужные мелочи терялись в самый неподходящий момент, ручка от чашки с обжигающим чаем отваливалась именно тогда, когда ее поднимала Ирина, даже ножка у изящного и дорогого кухонного стульчика не выдерживала ее идеального веса! Все это можно было бы снести, если бы не сбои в работе ее хорошо отлаженного организма.

– В милицию обращались? – брякнула я.

– Я похожа на параноика? Подумайте сами, как на меня посмотрел бы дежурный.

Это хорошо, что не обращалась. Значит, дама вполне адекватна. Вся эта история про порчу – бред, целительница Серафима просто умело завербовала себе постоянного клиента. Да и чем человек, зарабатывающий подобным способом, мог бы объяснить столь резкий надлом в жизни Ирины? Только порчей, проклятием, дыркой в ауре, что там еще имеется в их вооружении? История про порчу – бред, а то, что на мою клиентку объявлена охота, даже настоящая травля, похоже, правда. Травля не только физическая, но и психологическая. Грустно и неприятно, когда понимаешь, что сердце начинает давать сбои, жутко и безнадежно, когда чувствуешь, что тебя хотят убить. Да еще таким изощренным способом.

Итак, пока под подозрением у меня двое: Юлька и муж Ирины. С Юлькой все ясно, а с мужем? Этот плейбой уже заочно вызвал во мне антипатию, какой-то он слишком... милый, что ли? Такие милашки и зайки часто бывают неискренни. Судя по всему, своих денег у него нет, живет на средства жены. Как бы удобен ни был этот вариант, в конце концов зависимость начинает раздражать. Они женаты? Детей нет? Значит, он единственный наследник недвижимости и солидного счета Ирины.

По словам Ирины, до недавнего времени она была эталоном здоровой женщины, болезнь прогрессировала стремительно, что навело на мысли о том, что ей могли немножко «помочь». Как? Способов множество, какой из них выбрали и кто это сделал, мне и предстояло выяснить.

Попутно следовало навестить и госпожу Серафиму. Каждый зарабатывает на жизнь своими способами, но делать деньги на несчастье других! Ирина упомянула, что, по словам Серафимы, проклятие, насланное на нее, слишком сложное, чтобы снимать его стандартными методами, потребуется долгая, сложная и дорогостоящая процедура. Моя клиентка намекнула на то, что, скорее всего, ей придется расстаться с основной частью накоплений и надолго уехать из города. Эта госпожа Серафима – типичный образчик стервятника. Налетает на погибающего, чтобы поплотнее набить брюшко. По отношению к подобным я всегда испытывала чувство здоровой брезгливости.

Мы договорились о размере гонорара, аванса, я записала интересующие меня данные и адреса и проводила мою гостью. Первым делом следовало познакомиться с Юлией. По описанию Ирины, эта особа импульсивна, простодушна, несдержанна, не умеет хитрить. Значит, понять, причастна она к несчастьям Ирины или нет, будет несложно. Я достала черный парик-каре с низкой челкой, заполнила раздобытый по случаю бланк повестки прокуратуры, завела двигатель своего мини-купера и выехала из коттеджного поселка. Оставляю у нее повестку с вызовом в прокуратуру. На повестке – номер моего мобильного. Естественно, она позвонит, чтобы узнать, в чем дело, я назначу ей встречу где-нибудь в кафе, под предлогом, что рабочие дела я вынуждена решать в обеденный перерыв (некогда, понимаете ли, так загружена), расположу к себе и напугаю тем, что Ирина подала на нее заявление в суд. В чем ее обвиняют,

говорить не буду, отделаюсь туманными отговорками. Если у нее есть грех за душой, она обязательно себя выдаст, не словом, так выражением лица. А там – посмотрим. Я иногда позволяю себе не тратить время на долгие раздумья, тщательное продумывание ходов и партий. Если не знаешь, откуда лучше начать, надо окуна́ться в дело с головой и сразу: часто именно этот метод, вернее отсутствие всяких методов, дает весьма неплохие результаты.

ГЛАВА 2

* * *

Я быстро нашла дом, где, по словам Ирины, проживала ее бывшая подруга. В почтовом ящике оставлять бланк я не рискнула: кто знает, как часто в этом доме проверяют почту. По словам Ирины, Юля – мать двоих детей, поэтому, скорее всего, дома кто-нибудь быть должен. Я достала заготовленный бланк, надвинула парик на глаза и позвонила в дверь. Почти сразу послышалось шлепанье босых ног, и дверь распахнулась. На пороге стоял мальчик лет восьми с серыми раскосыми глазами и торчащими во все стороны жесткими вихрами, в ногах его путался лохматый щенок неизвестной породы.

– Примите повестку, – казенным голосом провозгласила я, – распишитесь.

Мальчик отодвинул ногами щенка, пытавшегося выскочить наружу, поставил неразличимую каракульку в протянутом мною блокноте и тщательно прочитал текст повестки.

– Костя, это кто? – высунулась из-за его локтя вторая голова, такая же светлая и вихрастая, но уже с косичками.

– Это тетя, принесла повестку для мамы, ее в тюрьму сажают, – спокойно ответил Костя.

– Здорово, – выдохнула сестра, – будем одни жить, нас весь двор бояться будет, как Макарчука, потому, что у него брат уголовник.

– С ума сошла? – отвесил ей подзатыльник брат. – Кто же это нам одним жить разрешит? Понаедут всякие бабушки, будут нас воспитывать днем и ночью. К тому же сажают только за крупные взятки, а маме пациенты только шоколадки носят. Тетя, скажите, ее ведь только штраф заставят выплатить за то, что больные ей шоколадки дают, а посадить за это не могут? Вот если бы она у начальника деньги из сейфа воровала, тогда – другое дело.

В это время из соседней квартиры вышла соседка пенсионного возраста. Видимо, она услышала часть последней фразы: меры, которые она предприняла для того, чтобы задержаться у двери, были беспрецедентны.

– В этом доме с человеком поговорить невозможно, – буркнул мальчик, раскрыл пошире дверь и пригласил: – Заходите, тетя Таня, я напою вас чаем, а вы расскажете мне поподробнее последнюю серию детектива.

– Почему тетя Таня? – поинтересовалась я, когда дверь за моей спиной захлопнулась.

– Чтобы соседка не догадалась, что я вас не знаю. Она такая любопытная! Ну, давайте, рассказывайте, что там мама натворила.

– Не знаю, – пожал плечами я, – я только курьер, разношу повестки. А как твоего щенка зовут?

– Монти. В честь графа Монте-Кристо. Я его неделю назад на улице подобрал. А еще у нас кошка Козюлька с котятами, две черепахи, птичка непонятной породы, крысы и сестра. За черепах меня даже в клуб юных натуралистов приняли, они у меня яйца снесли, а это – редкий случай. Я теперь туда хожу за голубями ухаживать, а то дома голубей держать нельзя, им простора не хватает.

За чаем Костя вел себя как настоящий хозяин: показал фотографии из семейного альбома, поломал шоколадку в вазочку. Несмотря на невысокий доход этого семейства, отпуска Юля проводила с детьми на море или в других не менее привлекательных поездках. Что-то не похожа она на изможденную от безденежья злобную тетку. И выглядит, судя по фото, вполне привлекательно.

– А это твоя тетя? – поинтересовалась я, увидев на одной из фотографий Ирину.

– Мамина подруга, – ответил он совсем по-взрослому. – Она хорошая, только несчастная и доверчивая. Собирает вокруг себя всяких лоботрясов и иждивенцев и думает, что они искренне ее любят.

– Совсем как ты, – уколола его я за то, что повторяет подслушанные мысли взрослых.

– Животные – не иждивенцы, – строго поправил он, – они радость приносят, Козюлька вон всех тараканов переловила, черепахи меня прославили, а Монти бандитов отваживает. Какой нормальный бандит в дом полезет, если в нем собака? А вот тетя Ирин муж вообще никакой пользы не приносит. Он этот, как его... Жеглов.

– Жигало, – поправила его я. – И почему ты его так не любишь?

– Он к мамке приставал. Я сам видел. Я в туалете с птицей сидел, мне темнота была нужна для того, чтобы птицу говорить научить, эти птицы только в темноте говорить не стесняются, а они пришли. Дядя Сережа начал всякое такое говорить, а мама рассердилась: «Ты, говорит, за диском явился, забирай и уходи!» А он: «Нужен мне твой диск, я не за этим пришел». А она ему: «Пошел вон, пока я Ирке не настучала». А он: «Чего ты ломаешься, у тебя же все равно мужика сейчас нет». А она «Ах ты, козел!» – и как зарядит ему по морде. У мамы рука тяжелая, я-то знаю. А он сказал, что она еще пожалеет, а мама нехорошими словами его обругала. Вообще-то она при мне не ругается, но она же не знала, что я с птицей в туалете прячусь. Потом он ушел, а она еще долго ругалась, пока меня не нашла. Я ей сказал, что она все правильно сделала, тем более что мужик у нее есть, это я.

После общения с мальчиком нарисованный в моем воображении портрет Юли несколько поменял очертания. Ее беда, скорее всего, в том, что она не умеет лицемерить и приспособливаться, а это в корне противоречит умению плести интриги и целенаправленно отбивать у подруг их мужей.

Я еще раз осмотрела кухню, и взгляд мой зацепился за что-то очень знакомое. Кукла!

– А это что? – кивнула я на пузатую фланелевую куклу, висящую на гвоздике. Круглый живот куклы был истыкан разнокалиберными иголками и булавками.

– Это мы в классе мамам на Восьмое марта шили, – степенно пояснил мальчик. – Первую мамка на работу забрала, у нее ее прямо из стола украли. Пришлось новую шить, а то она расстраивалась очень.

– Что, неужели сам шил? – удивилась я. – Обычно мальчишки не любят рукодельничать.

– Я не только шить умею, – резонно объяснил он, – я и подошвы к тапочкам вон приклеил, и ножка у стола качалась, подтянул, и унитаз подтекал, жвачкой залепил. Я все умею.

– Ты молодец, Костик, только все-таки в будущем не пускай в дом незнакомых людей. Монти еще маленький, а чужие могут обидеть твою сестренку, – кивнула я на малышку, под шумок тащившую из вазочки последнюю дольку шоколада, – и напугать Козюльку с котятками. Ты же, как я понимаю, единственный мужчина в семье, значит, несешь за них ответственность.

– Ладно, – согласился он. – Только и вы скажите, у мамы неприятности? Вы же знаете, просто притворяетесь.

– Честное слово, нет, – удивилась я проницательности мальчишки, – думаю, просто она может помочь поймать и покарать преступника. Повестками вызывают не только обвиняемых, чаще – свидетелей преступления.

Честно говоря, затея с повесткой, на которую я собиралась выманить Юлю, уже не казалась мне удачной, но признаваться во лжи этому маленькому мужчине было стыдно. Ничего, если Юля окажется достойной матерью Костики, я смогу повиниться и объяснить ей все.

* * *

Вечером позвонила Юля, мы договорились встретиться в небольшом кафетерии возле ее работы. Может, я и не великий психолог, но, едва начав общение с подругой Ирины, я поняла,

что полной откровенности смогу добиться только взамен на свою откровенность. В двух словах я попросила прощения за хитрость с повесткой и не мудрствуя лукаво заявила, что Ирина в беде, и ей нужна помощь.

– Я так и знала, – стукнула кулаком по столу Юля. – Стоит оставить ее без присмотра, как она обязательно вляпается в какую-нибудь историю. Нет, подобные дурынды ничему не учатся! Угроза, конечно, идет со стороны Сергея?

– Это я и пытаюсь выяснить. Что вы можете сказать о ее муже, кроме того, что он пытался вас соблазнить?

– А вы неплохо осведомлены, – бросила она на меня взгляд исподлобья. – Интересно, откуда сведения?

– Секретный источник.

– Я этому источнику задницу надеру. Но дело не в этом. Каждый второй муж посматривает в сторону подруг жены, если они не монстры, это нормально. Но Сергей ведет себя как настоящий альфонс: он не только сам живет за счет Ирины, но и любовницу содержит. Я столько раз пыталась намекнуть ей, но она не хочет понимать, а заявить напрямую... Знаете, мне все кажется, что это как-то неправильно. Женщина должна сама чувствовать, верен ей мужчина или нет. Если она отключает это чувство, значит, ее все устраивает. И тот, кто откроет ей глаза на правду, автоматически станет ее врагом.

– Мудро, – заметила я.

– Мудро, – усмехнулась она. – Только в моем случае это не помогло. Не знаю, что он ей про меня наплел, только она и слышать обо мне не хочет. Это уже вторая наша крупная ссора.

– А первая?

– Все случилось еще до знакомства Ирины с Сергеем, мы отдыхали в Турции. Я с детьми и она. Знаете, этих курортных молоденьких жигало, которые ищут богатеньких дурочек? У Ирины с одним из них завязался бешеный роман, я не имела ничего против, пока он не начал просить денег: то папаша у него при смерти, то из дома за долги выгоняют с пятнадцатью грудными сестренками и гуртом прикованных к постели родственников. В общем, примитивный и пошлый развод, но она, умница и жесткая леди, размякла, повелась. Я пыталась прочистить ей мозги, а она заявила, что я просто завидую: вынуждена возиться с сопливыми детишками, пока она сторает от страсти. А это, между прочим, неправда, ко мне эти мальчишки тоже подкатывали. Мы разругались в хлам. Улетали разными самолетами, она задержалась. Потом Ирина даже из России высылала ему деньги, пока страсти не поутихли и она сама все не поняла. Пришла ко мне с бутылкой текилы, напились, поплакали, потом на всю ночь в клуб, в общем, хорошо помирились. Только горбатого могила исправит.

– Ты знаешь, что она лечилась у знахарки? – Я и сама не заметила, как мы перешли на «ты».

– Лечилась? От чего?

– Обмороки, головокружения, сердце.

– Чего она ко мне-то не пришла? Только себе хуже делает. Полина, ты не смотри, что у меня вид такой растрепанный, я хороший врач. Мне нужны точные симптомы ее болезни, а еще лучше, карточка из поликлиники. Я работаю в другом районе, сама достать не могу, а с сердцем шалить нельзя. Поможешь?

– Договорились, – решила я.

Хороший диагност в моем деле совсем не помешает. А в невиновности Юли теперь я была уверена. Даже если бы она смогла ввести меня в заблуждение, так подготовить и заставить так играть ребенка в принципе невозможно.

– Юля, ты не обидишься на бестактный вопрос? – спросила я уже после того, как мы рассчитались с официантом. – Ты работаешь простым участковым врачом. Откуда деньги на дорогие курорты? Как я поняла, вы с детьми каждое лето путешествуете.

– Ну, – усмехнулась она, – у меня не такая уж и маленькая зарплата. По крайней мере, я могу позволить себе содержать двоих детей и небольшой зоопарк. А отпуск нам обеспечивают папаши моих детей. Они порядочные люди, регулярно платят хорошие алименты, я оставляю деньги на книжке, за год набегает внушительная сумма. И вообще, не больно-то слушай Иру. Она немного помешана на своей успешности, и все, что кажется ей классом ниже, для нее неприемлемо. Она считает, я чего-то упускаю в жизни, и не понимает, что сама за видимым благополучием теряет самое важное. А у меня все хорошо. Будешь спорить?

Я вспомнила конопатого Костика, его сестру с растрепанными косичками, Козюльку с котятами, громадных красноухих черепах в тазике и отрицательно покачала головой. И дело было вовсе не в примитивной и спорной истине «богатые тоже плачут».

* * *

Теперь следовало познакомиться с пророчицей, или целительницей, госпожой Серафимой. Ирина дала мне номер телефона приемной, чем я и не преминула воспользоваться.

– Я ждала твоего звонка, – ответили мне после пары гудков. – Рано или поздно мы встретились бы. Хорошо, что еще не слишком поздно.

«Вот работают! – восхитилась я. – Не дают клиенту опомниться». Впрочем, первое впечатление сразу испортил противный писк популярной сто лет назад мелодии из репертуара оркестра Поля Мориа. Автоответчик!

– Слушаю, – прервал писк живой голос.

Ну, наконец-то хоть что-то знакомое и человеческое.

– Это приемная госпожи Серафимы? – осведомилась я.

– Да, с вами говорит секретарь.

– Я хотела бы попасть на прием.

– Запись на два месяца вперед, – предупредила меня секретарь, – и услуги госпожи Серафимы оцениваются очень дорого.

Лично меня статусная приставка «госпожа» отпугнула бы сразу. Гораздо убедительнее было бы, если бы Серафима позиционировала себя как русскую народную целительницу, почти ведунью. «Госпожа» – что-то из репертуара секс-шопа.

– Понимаете, – залепетала я набор всевозможных уважительных причин, – я не могу ждать ни дня. Промедление смерти подобно: или сегодня, или никогда, я и так долго не решалась, может, найдется пара минут?

– День у госпожи Серафимы расписан по секундам, – строго ответил секретарь, – и пары минут вам не хватит. Для того чтобы настроиться на вашу волну, ей необходимо определенное время. Это же вам не маникюр сделать. Впрочем, сегодня от очередного сеанса отказалась одна из клиенток, эффект от магического воздействия госпожи превзошел все ожидания, поэтому лечение закончено раньше времени. Но на это время претендуют еще несколько клиентов.

– Плачу двойной тариф, – брякнула я.

Дешевый приемчик. Подобные «бизнесмены» любят сначала набить себе цену, вселить в клиента легкую панику, а потом найти «лазейку». Ничего нового. Я запомнила время, превратно радостно поблагодарила секретаря и начала собираться. Естественно, я не больно-то верила в сверхъестественные способности госпожи Серафимы, но что-то заставило меня надежно спрятать за гримом свое истинное лицо и прихватить с собой фальшивый паспорт. Береженого бог бережет. Хотя для настоящего мага паспортные данные и цвет волос значения не имеют.

В приемной госпожи Серафимы мерзко воняло индийскими курительными благовониями, и на жестких стульчиках сидели две тетki неопределенного возраста. Так, очередь. Зачем

тогда нужен был трюк с записью? Скорее всего, не для удобства посетителей, а для создания этой самой очереди. Хотя... что-то уж больно негативно я настроена против целительницы. А что, если я не права и она действительно помогает людям? И люди ждут общения с Серафимой месяцами? Скоро узнаем. Думаю, каким бы она хорошим психологом ни была, с помощью пары ловких вопросов я смогу узнать, обладает она даром или нет.

Внезапно дверь распахнулась, и в приемную влетел пожилой мужчина с опухшим лицом и растрепанной седой шевелюрой. Он промчался мимо меня, окатив волной перегара и дешевого табака, и ворвался в кабинет целительницы. Секретарь, лениво чистившая до этого ногти зубочисткой, вскочила со своего места, вбежала за посетителем и прикрыла за собой дверь. Мы с тетками переглянулись: неприятно, когда кто-то врывается без очереди. Одна из них открыла было рот, чтобы прокомментировать происходящее, но за закрытой дверью раздались вопли, и рот тетки захлопнулся: интереснее было слушать, чем говорить, все комментарии – потом.

До нас доносились лишь обрывки фраз, и из них было ясно, что мужчина предъявляет госпоже претензии в том, что она своим лечением довела до могилы его супругу. Впрочем, тут же из кабинета выскочила секретарша, потыкала недочищенными ногтями в кнопки телефона и вызвала охрану. Два далеко не дюжих молодца не скоро справились с дебоширом, но в конце концов выволокли его из юдоли госпожи Серафимы. Пока тетки из очереди перешептывались, а секретарша отдувалась в кабинете начальницы, я тихонечко выскользнула за охранниками. Они уже дотащили хулигана до входной двери и с усилием, но вытолкали его наружу.

Мужчина погрозил им кулаком, потом отвернулся к стене и высморкался в выдавший виды носовой платок.

– Извините, – окликнула его я, – это вы только что были у госпожи Серафимы?

– Я, – обернулся он. – Чего тебе?

Оказывается, сморкался он не по причине простуды, глаза у мужчины, а, вернее, дедушки, были на мокром месте.

– У вас что-то случилось? Вам нужна помощь? Я была в приемной целительницы, когда вы вошли, и все видела.

– Тогда помощь нужна тебе, дочка, – ответил дед.

Странно, но теперь он уже не казался мне пьяным дебоширом, скорее, это был сломленный горем пожилой человек. И одет он был не так, как обычно бывают одеты запойные: чистенькая куртка, вычищенные ботинки.

– Беги отсюда, пока не поздно, дочка, – продолжал меж тем он, – ты еще молодая, тебе жить, да жить. Бабушка моя, Валя, тоже могла бы...

– Расскажите, – коротко попросила я.

Уговаривать его не пришлось. Правда, он торопился в фотомастерскую: сегодня надо было забрать портрет жены, изготовленный для памятника. Фотомастерская находилась недалеко, и я напросилась проводить его.

Когда деду с женой перевалило за шестьдесят, как и положено, навалились старческие хвори: давление, сердце, поджелудочная железа. Муж все отмахивался, у мужчин сложные отношения с медициной, а жена с головой ринулась в битву за здоровье. Журналы, телепередачи, народные рецепты. Когда начались проблемы по женской части, она по совету целительницы записалась на прием к госпоже Серафиме. Та сразу сказала ей, что на ее старика положила глаз соседка и таким пытается избавиться от соперницы и завладеть ее мужем. «И жилплощадью», – решила женщина. Она сразу поняла, о ком идет речь: этажом выше жила вдовица с беспокойным семейством. В двухкомнатной квартире – пятеро! И шестой на подходе. Госпожа Серафима объяснила, что официальная медицина поможет снять симптомы, но корень болезни все равно будет точить ее изнутри, а вытравить этот самый корень и полностью снять порчу медицина не в силах.

Баба Валя поверила ей безоговорочно, аккуратно посещала сеансы, для чего вынуждена была отнести в комиссионку свое нехитрое золотишко и расстаться с «гробовыми» – авось не скоро понадобятся. Понадобились скоро. Когда боли стали невыносимыми, баба Валя была вынуждена обратиться к врачам – стадия злокачественной опухоли, которую у нее обнаружили, оказалась неоперабельной.

– Что же вы так поздно-то, – потирая уставшие глаза, посетовал врач мужу больной, – этот вид рака успешно лечится на начальных стадиях, прооперировали бы вашу бабушку, жила бы до ста лет.

Когда беготня, связанная с неприятными хлопотами по погребению и оформлению всяких документов закончилась, дедушка запил, и почти одновременно ему пришло озарение: виновата в смерти жены госпожа Серафима. Именно она уговаривала его супругу не прибегать к помощи медицины, именно она позволила болезни убить его супругу. Он уже не в первый раз врывался в офис целительницы, но никто не принимал его всерьез.

– Вот и ты, дочка, сейчас вернешься, – укорил он меня, – и деньги отдашь, и верить ей будешь.

– Не отдам и не буду, – усмехнулась я, – и вы больше не ходите к ней, не надо. В бога верите? А в возмездие? Оно справится и без вас, даю слово!

Мы зашли в мастерскую, дед забрал керамический овальчик, фотографию, с которой делали портрет, расплатился, и мы попрощались. Когда его сгорбленная фигурка скрылась за углом, я вернулась в фотоателье:

– Будьте добры, дедушка просил скинуть электронную версию снимка. Флешка у меня с собой.

– За отдельную стоимость, – хмыкнул наглый молодой приемщик, – ваш дедушка несколько фотографий на выбор приносил, качество не очень, я их отцифровал. Вам все или только последнюю?

– Все, конечно, – ответила я и положила на стойку купюру.

Скоро на моей флешке оказались несколько снимков недавно почившей рабы божьей бабы Вали.

* * *

Вопреки обещаниям, я все-таки вернулась к госпоже Серафиме. Привыкла не доверять чужим оценкам и эмоциям, а составлять впечатление о человеке сама. К тому времени очередь моя как раз подошла, и секретарь проводила меня за дверь. Как и следовало ожидать, в кабинете целительницы царил полумрак: поверх жалюзи окно прикрывала тяжелая плюшевая портьера, и свет шел лишь от нескольких плавающих в прозрачных чашах свечей. Хрустальный шар, потрепанная колода Таро, обилие православной символики – целительница использовала весь арсенал привлечения клиента.

Впрочем, сама госпожа Серафима производила приятное впечатление. Никакой бесовской шевелюры и избытка тяжелых украшений: скромная черная хламида, гладко зачесанные седоватые волосы, добрые глаза, сочувствующий взгляд.

– Садитесь, милая, – пригласила она, – вижу, вы утомлены. Нет, ничего не говорите. Я раскину карты и сама расскажу все, что вы хотите узнать.

Руки госпожи Серафимы медленно и красиво устилали стол картами, речь лилась мягко и доверительно. Несмотря на весь свой скептицизм и воинственный настрой, я не успела вовремя заметить тонко поставленные ловушки, и сама подарила ей несколько наживок. Уже скоро она сообщила, что на мне лежит венец безбрачия, я потеряла работу, у меня проблемы со здоровьем, а виной всему женщина, имя которой начинается на букву «А». Эта женщина смертельно мне завидует, поэтому наслала на меня порчу.

ГЛАВА 3

* * *

– Полетт, ты была у гадалки? – Брови Ариши смешно встали домиком. – От твоей сумасшедшей подружки я еще мог бы ожидать подобной глупости, но от тебя...

– Представь себе, – не смутилась я, – и не жалею. Эта добрая женщина просветила меня, что во всех моих бедах виновен человек, имя которого начинается на букву «А». Этот человек очень мне близок, он страстно желает, чтобы я никогда не вышла замуж, подстроил мое увольнение с кирпичного завода, и время от времени насылает на меня то грипп, то ангину, а то и того страшнее – герпес.

– Что ты, деточка, – замахал руками Ариша, – как ты так можешь? Я тебя своими руками вынянчил, молочко с медом тебе грел, я тебя... да я сплю и вижу, чтобы достойный человек нашелся, правнуков понянчить, а ты...

Дед совсем расстроился, и я почувствовала укол совести.

– Почему ты? Я на тебя и не думала. Что у нас, мало знакомых, имя которых начинается на букву «А»? И вообще, этот человек – женщина.

– Алина! Я так и думал! Но хитра, ничего не скажешь! Под маской наивности и легковёрности – такая черная душа.

Я не выдержала и рассмеялась. Только что дед отчитывал меня за посещение гадалки, и тут же легко поверил в ее бредни.

– Ариша, это избитый прием. У кого из знакомых тебе людей не найдется знакомого, имя которого начинается на букву «А»? Даже в нашей семье, состоящей всего из двух человек, найдется! К тому же она очень ловко задавала вопросы. Как бы и не вопросы даже, а утверждения, с легкой вопросительной интонацией. Дама весьма располагает к откровенности и вызывает доверие, такой хочется пожаловаться, поплакаться в жилетку, рассказать о злыднях, которые тебя обижают. Поэтому на ее вопросы отвечаешь честно, если и не словами, то легким наклоном головы, пожатием плеч, горько опущенными уголками рта. Не знаю, кто там у нее с экстрасенсорными способностями, но психолог она неплохой, – рассуждала я за ужином, сама себе отвечая на возникшие вопросы и неувязочки.

– Как, например, она узнала о том, что ты уволилась с работы и теперь живешь на вольных хлебах? – подбросил вопрос Аристарх.

– Заметь, она сказала, что я потеряла работу, не уточнив, выгнали меня или я ушла по собственному почину. Удостовериться в том, что я свободный человек, было несложно: она могла осведомиться у секретаря, сложно ли мне было найти время для визита. Я, не раздумывая, согласилась прийти в рабочее время, работающий человек обычно мнется, сомневается, обещает перезвонить – он не может заранее знать, удастся ему удрать с работы или нет. Вывод – я не работаю.

– А про венец безбрачия она догадалась по отсутствию обручального кольца, – выдвинул гипотезу Ариша. – Только ты могла его снять.

– Женщины, в отличие от мужчин, предпочитает постоянно носить обручальные кольца, – анализировала я, – даже если я и сняла бы его, на пальце все равно остался бы тонкий след незагорелой кожи – конец лета все-таки. Заметь, даже основание пальца у замужних женщин на правой руке тоньше, чем на левой.

– А с болезнью? Она сказала, что ты больна! А у тебя с детства слабое горло и проблемы со спиной.

– Конечно, больна. А кто здоров? Ты видел хотя бы одного абсолютно здорового человека? И я не видела. Да что там горло, скажи она мне, что у меня не в порядке почки или там какой-нибудь левый желудочек, разве я буду сомневаться? Поверю безоговорочно. И лечить буду. И на сеансы ходить, и таблетки глотать. Лишь бы победить болезнь до того, как она даст о себе знать.

– То есть ты хочешь сказать, что, несмотря на то что эта дама весьма располагающе выглядит, на самом деле она просто тонкий психолог и шарлатанка?

– Похоже на то. И ты поможешь мне найти тому доказательства. Ты возвращаешься в кругах местного бомонда, а госпожа Серафима считается модной целительницей. Особенно акцентируй внимание на слухи о тех ее клиентах, которые не дожили до светлого будущего. Если ты найдешь мне хотя бы парочку, цены тебе не будет.

– Вот так, – проворчал себе под нос Ариша, – я ночей не досыпал, хлеба не доедал, с друзьями недогуливал, а она еще сомневается в моей ценности, дрянная девчонка!

– Не грехи против истины, – строго поправила его я, – я досталась тебе вполне взрослым и самостоятельным четырнадцатилетним подростком. А такие ночами уже спят и последнюю корочку у стариков не отнимают.

На самом деле он, конечно же, рад был свалившемуся на него счастью в моем лице. Ему приятно было чувствовать себя нужным, и просьбы мои он выполнял виртуозно.

* * *

Пока Ариша занимался целительницей, мне следовало разобраться с Сергеем, мужем Ирины, и раздобыть историю болезни моей клиентки. Выкрасть карточку из поликлиники не составило никакого труда: я просто подошла к регистратуре, назвала Ирину фамилию, адрес и дату рождения. После непродолжительных поисков регистраторша выдала мне аккуратную карточку. Я сделала ксерокопию заслуживающих интерес листков и самым наглым образом вырвала подклеенную кардиограмму. Это для Юли, пусть разбирается, чем болеет ее подруга.

Теперь дело за Сергеем. Я уже так много знала об этом человеке, а вот в лицо его даже не видела. Надо было как-нибудь выцганить у Ирины его фото. Не долго думая, я набрала ее номер.

– Ирина, вы не могли бы показать мне те фотографии, о которых говорили? Помните, вы рассказывали, что на некоторых совместных ваших с Сергеем снимках вы обнаружили сделанную острым предметом черту, как бы разделяющую вас?

– Пожалуйста, – отозвался слабый голос, – я сейчас дома. Пришлось уйти с работы, мне что-то совсем плохо.

– А я не помешаю? Ваш супруг, наверное, не в курсе наших дел?

– Варанчик на корте. Это надолго.

– Как вы сказали? – уточнила я.

– Варанчик, – вяло усмехнулась она, – он сам попросил, чтобы я придумала ему милое домашнее погоняло. Зайка, котик – избито, пришлось сочинять свое. Ему понравилось, варан – сильное и хитрое животное.

– А к тому же хищное и кровожадное, – добавила я.

– Мужчине приятнее, если его считают кровожадным, а не милым и пушистым, – пояснила Ира. – Приезжайте.

Долго уговаривать меня не пришлось. Расстояния в нашем Горовске несравнимы с московскими, поэтому даже с учетом того, что добираться мне пришлось из загородного коттеджного поселка, у Ирины я оказалась уже через полчаса. Выглядела она неважно, зябко куталась в платок, хотя на лбу влажно блестели маленькие прозрачные капельки.

– Ирина, да вам совсем плохо! Может, вызвать «Скорую»?

– Не надо, – горько усмехнулась она, – скоро это все закончится. Серафима обещала, что до определенного времени я не умру, а до того момента я успею предпринять кое-какие шаги.

– Тогда давайте я вам хотя бы чаю согрею. Вы же вся дрожите! – беспокоилась я.

– Если вас не затруднит, – согласилась она, – ноги ватные, все кружится. И себе чашку налейте, печенье и конфеты там же.

– А кофе у вас есть? – выглянула я через минуту из кухни.

– Есть, конечно, в железной банке в морозилке. Сережа у меня кофеман, не разрешает держать дома растворимый, сам смешивает разные сорта, добавляет чего-то и считает, что при минусовой температуре кофе лучше сохраняет аромат. Он даже варит отдельно для меня, для гостей и для себя – себе с черным перцем и солью, мне – с корицей и ванилью. Попробуйте, рекомендую. Он не разрешает никого угощать моим, говорит, что добавляет туда какой-то редкий и очень дорогой сорт, но вы попробуйте, не пожалеете. Только мне все-таки чаю – кофе я пью один раз в день, утром, Сережа в постель приносит.

Я отправилась на кухню и замерла в дверях: интерьер здесь был вызывающим. Если не сказать, грубоватым: стены изобиловали предметами деревенской утвари девятнадцатого века: лапти, подковы, весы, таз для варенья, даже ржавый серп, совсем уж неприглядно примостившийся за холодильником. Скорее всего, хозяйка собиралась сделать стильный псевдороссийский интерьер, но никак не находила для этого ни сил, ни времени. А что? Расположить все это в гармонии, добавить полотенца с петухами, коллекцию хохломы – будет миленько. На определенный вкус. Я оторвалась от созерцания подков, открыла морозильную камеру и действительно нашла три банки: на одной перманентным маркером было написано: «Ирочка», на другой – «Сережа», на третьей – «Общая». Я открыла банки, понюхала – аромат Иринино кофе показался мне тоныше – и сварила себе в крошечной джезве напиток, а хозяйке заварила зеленого чаю с медом.

Кофе был божественный. Сергей действительно умел смешивать сорта, хозяйка расщедрилась и уговорила, чтобы я отсыпала себе в маленькую баночку пару ложечек. Это было провинциально, но забавно: даже в условиях почти развитого капитализма русские люди продолжают делиться лучшим, что у них есть.

Ирина показала мне фотографии – хотя это не бросалось в глаза, но на многих снимках между супругами была проведена тонкая черта. Я хорошо успела рассмотреть Сергея, подробно расспросила хозяйку о мучивших ее симптомах и расспрошала. То ли атмосфера в этом доме располагала, то ли я устала за сегодняшний день – чувствовала я себя неважно. В какой-то момент мне даже пришлось остановить машину и открыть дверцу: перед глазами все плыло, в ушах слышался противный гул. Я тряхнула головой, словно пытаюсь вытрясти это назойливое гудение, захлопнула дверцу, и тихонько, по крайней правой, добралась до поликлиники, где работала Юлия. Надо же было отдать ей раздобытую кардиограмму, ксерокопию карточки и список симптомов ее подруги! Мне повезло, часы ее приема заканчивались, перед кабинетом было пусто. Я взялась за дверную ручку, но меня так качнуло, что я еле устояла на ногах. Наверное, вид у меня был не вполне осмысленный, по крайней мере, вышедшая из кабинета бабулька сделала мне замечание: что-то по поводу современной молодежи, являющейся нетрезвой в общественные места.

Впрочем, участковый врач Юлия Мурзина ее мнения не разделила: усадила меня на кушетку, померила давление, послушала сердце.

– Вам серьезное обследование требуется, – вынесла свой вердикт, – надо же, такая молодая, а уже с сердцем проблемы. Давно это у вас?

– С полчаса назад. После визита к вашей бывшей подруге, – выпалила я, и вдруг все встало на свои места: никогда раньше я не испытывала ничего подобного.

Судя по принесенным мною записям и анализам из Ирининой карточки, у нее все началось именно так. Я пила в ее доме кофе из специальной баночки, предназначенной только

для нее. То, что в банке, кроме чистого кофе, содержались другие добавки, было видно невооруженным глазом, кроме аромата, в черном порошке просматривались мелкие белые крупинки. Так, может быть...

– Юля, мне нужно не обследование, а хорошая химическая лаборатория. Можете устроить?

– Без проблем. Что будем анализировать?

Я достала из сумочки кофе, навязанный мне Ириной.

– Только не задавайте мне, пожалуйста, вопросов, – попросила я, – когда все будет известно, вы узнаете первая.

Хотя она категорически запретила мне садиться за руль, я все-таки добралась до дома на своей машине и рухнула в постель, даже не разобрав ее и отказавшись от ужина. Это было подло с моей стороны: прислугу мы не даржали, значит, я автоматически деда обрекла на голодание, но ощущать запахи еды и смотреть на нее было выше моих сил. Я забылась тяжелым, тревожным сном.

Утренний свет развеял ночные кошмары, и, хотя настроение после вчерашнего было не очень, чувствовала я себя вполне сносно. Только вот выглядела паршиво. Бледная кожа, которой я, вопреки моде на смуглость, втайне гордилась, сегодня казалась зеленоватой, даже скорее оливковой. Почему, кстати, рисуя образ красавицы, писатели употребляют это сравнение? Кичиться грязно-зеленоватой кожей, на мой взгляд, может только кикимора. Вода с медом и лимоном сняла легкую тошноту и вернула меня к жизни: так, что нам принес вчерашний день?

Юлия, подруга Ирины, кажется, ни при чем. Зато муж ее, Сергей, редкостная сволочь, если подтвердится, что на деньги жены он еще и любовниц содержит... Вчерашнее предположение об отравленном кофе сегодня выглядело неубедительно, скорее всего, плохо мне стало оттого что я нанюхалась благовоний в пещере госпожи Серафимы, кажется, у меня на них аллергия.

Отдельный разговор – о госпоже Серафиме. Мало того, что она выжимает немалые средства из своих клиентов, так еще и убеждает их не обращаться к врачам. Да, некоторые медработники относятся к своим клиентам невнимательно, но диагностировать серьезное заболевание они могут! Ирина говорила о том, что скоро все закончится. Скорее всего, Серафима приготовила для нее новый пресс для отжима денег. Как только Юля изучит карту подруги, надо будет раскрыть Ирине глаза на лжецелительницу.

Словно услышав мои мысли, тренькнул телефон, на дисплее определился телефон Мурзиной.

– Полина, у меня для вас приятные новости, – понеслась она с места в карьер, – вы абсолютно здоровы. Симптомы, которые я вчера наблюдала, вызваны препаратом, добавленным в кофе, который вы дали мне на анализ. Где вы раздобыли эту гадость?

– Юля, вы прелесть! – воскликнула я. – Теперь все встает на свои места. Мне бы еще узнать, какие сорта и добавки в этом кофе...

– Записывайте, – с готовностью отозвалась Юля, – улица Менделеева, дом восемь, подвальныйчик. Там прелестный кофейный магазинчик, дорого, конечно, но я себе позволяю иногда граммов сто-двести этого сорта. Мой любимый. Из посторонних примесей там только этот препарат.

– Диктуйте название препарата и кофе, – скомандовала я.

В ближайшее время напрошусь к Ирине и подменю банки. Препарат напоминает белый порошок, подсыплю сахара, она все равно пьет сладкий кофе, так что по внешнему виду, аромату и вкусу кофе будет неотличим.

Теперь о препарате, которым Ирину травили. Чтобы не акцентировать внимание Юли на этой истории, я не стала консультироваться с ней: в голове ее раньше времени могла созреть догадка, и она могла поломать мне игру. Поэтому я просто набрала название в поисковике. Из

множества медицинской шелухи, которую выдал мне Интернет, я выделила главное: крошечными дозами этого лекарства лечат, передозировка и длительный прием вызывает симптомы, полностью повторяющие мое вчерашнее состояние и болезнь Ирины. Обычно его соединяют с раствором для инъекций. Если принимать в таком виде, в каком он попадал к Ирине, симптоматика выражена более слабо, и только длительное применение вызывает то состояние, которое наблюдается у Ирины.

Как-то это вяжется с госпожой Серафимой. Именно муж настоял на том, чтобы Ирина начала эти сеансы магии. Оттягивал визит к опытному врачу? Надеялся, что лжецелительница поможет «залечить» Ирину? И случайна ли наводка госпожи на то, что порчу навела лучшая подруга, по иронии судьбы являющаяся неплохим врачом? Сергей оклеветал Юлю, Серафима указала на нее на фото, к гадалке Ирину привел Сергей. Вот она, явная цепочка. Они перекрыли бедной женщине возможность проконсультироваться с хорошим, заинтересованным врачом, внушили надежду на скорое излечение, объяснили внезапность ее заболевания логичными, на ее взгляд, причинами. Все очень просто. Пока Ирина держится, но в какой-то момент сердце не выдержит, и Сергей, как законный муж, станет владельцем ее накоплений и недвижимости.

Если я сейчас завалюсь со своими догадками к Ирине, она, скорее всего, мне не поверит. Когда женщина влюблена, ей можно говорить сколько угодно гадостей про ее возлюбленного, она только будет виновато моргать глазами и обижаться, либо вычеркнет вас из списка близких друзей. Эту истину я поняла на примере своих отношений с Алиной: моя подруга имела удивительную способность в качестве бойфрендов находить себе редкостных прощелыг и неудачников, они высасывали из нее деньги, убивали ее время, ухитрялись развить комплекс неполноценности и уходили, довольные собой.

Кстати, к подобному типу женщин относилась, скорее всего, и Ирина. Юлия рассказывала мне про курортный роман подруги – все тот же сценарий. И Сергей ничем не отличается от турецкого мачо, только более вялый и рафинированный.

Единственное, что могло указать Ирине на грехи ее идеала, – это обвинение в неверности, подкрепленное неопровержимыми доказательствами. Она – женщина хоть влюбленная, но сильная и гордая. Если узнает, что он творит за ее спиной и на что тратит ее деньги, поверит и во все остальное. Только вот для того, чтобы уличить его в неверности, требовалось время, а у меня его было мало. Как еще можно поймать Сергея, если не следить за ним неотступно?

Люся и Вася! Вот кто всегда свободен и никогда еще меня не подводил. С этой парочкой бомжей я познакомилась недавно, жили они на заброшенном кладбище, нежно любили друг друга и категорически отказывались что-либо менять в своей жизни. Люся обладала артистическим даром, Вася имел недюжинную физическую силу и был надежен, как танковая броня. Я хорошо платила им за их услуги, но помогали они мне, как я подозревала, не из-за денег и палки колбасы, а из любви к авантюрам и возможности для Люси проявить свои артистические таланты.

В ближайшем супермаркете я купила их любимое лакомство: сушеные щупальца кальмаров, добавила к ним колбасу, белый хлеб, лимонад. Спиртное и сигареты я не покупала принципиально: эти люди вызывали во мне глубокую симпатию, и травить их я не собираюсь. Посетителей на кладбище обычно не наблюдалось, это было заброшенное старое кладбище, а не менее старенькая часовенка давно превратилась в уютное жилище. В теплое время Вася и Люся жили под открытым небом, Вася страдал клаустрофобией, а Люся любила звезды и вольный ветер. Но сейчас близилась осень, и я нашла моих приятелей за обустройством часовни: клаустрофобия клаустрофобией, а в сугробе и замерзнуть можно. Да и вольный ветер не приносит удовольствия, если он со снегом, а у тебя нет крыши над головой.

Люся уже заканчивала «стеклить» маленькое оконце плотной полиэтиленовой пленкой, Вася же все пытался над устройством очага. Фишка была в том, что подобие печки, которое он сооружал, выпускало дым в помещение, а надо было, чтобы дым, как у людей, выходил наружу.

– Кирпичей и раствора я сколько хочешь со стройки натаскаю, нам бы настоящего печника нанять, – крикнул Вася, – но среди наших печников нет. Есть доктор физико-математических наук, но от него никакого толку. Только настроение портит своей математикой. Как начнет трюндеть про теорему какую-нибудь или про скорость элементарных частиц, убить хочется. Я что, зря, что ли, из девятого класса школы сбежал?

– Найду я вам печника, не переживай, – пообещала я, – и кирпичи воровать не надо, побьют еще. У меня для вас задание есть. Гонорара будет достаточно и на печку, и на то, чтобы окошки застеклить. Твоей пленки, Люся, хватит до первых морозов, потом потрескается. Согласны?

– Спрашиваешь! – укорила меня Люся. – Мы бы и так согласились, за кальмаров.

Я отдала им утянутую под шумок у Ирины фотографию Сергея, фотоаппарат, назвала адрес, дала деньги на транспортные и прочие расходы. Кроме всего прочего, я экипировала Люсю новыми джинсами, кроссовками и курточкой: вполне возможно, что наблюдение придется вести не только на улице, а кто же пустит бомжиху в кафе! Васю наряжать не было резона: если его подруга, как женщина, старалась следить за собой даже в таких условиях, личина Васи сразу выдавала в нем романтика помоек. Такого одевай не одевай, в приличное заведение не пустят.

Ребята наскоро подкрепились привезенными мною продуктами, Люся переоделась, и на моей машине мы выехали в город. Ремонт отменялся, мое задание было важнее. Я высадила их возле дома Ирины и Сергея, Люся чинно села на скамеечку, развернув выпрошенный у меня по дороге глянцевого журнала, Вася направился к помойке. Я притормозила: так он выполняет мое поручение. А я-то была в нем так уверена! Нет, я не права. Вместо того чтобы начать самозабвенно копаться в ворохе пакетов, Вася предложил закурить подошедшему раньше его коллеге. Молодец! Достал фотографию, явно собирает сведения.

* * *

Дома я застала гостей. Как-то в состоянии крайнего морального и умственного размягчения я умудрилась дать Алинке комплект ключей от нашего дома. Потом, конечно, раскаялась, получила нагоняй от деда, но не забирать же ключи назад! Тем более что Алина так просто их и не отдала бы. Нет, когда она приходила погостить одна, я обычно радовалась. Алина относилась к тому типу гостей, которые не выматывают хозяев необходимостью развлекать их, ухаживать, оказывать прочие знаки внимания. Она прекрасно знала, где находится гостевая комната, комплект свежего постельного белья и холодильник. Еще и нас с дедом прикармливала своими сомнительными кулинарными шедеврами. Одним из ее увлечений была экзотическая кухня, эксперименты, как правило, она ставила на нас.

Вот и сейчас ощущалось присутствие незваных гостей: возле дома стояла незнакомая машина, в прихожей висел голубой плащ Алинки, из дома тянуло каким-то благовонием, все это дополнял глубокий бас, монотонно выводящий некий речитатив. Я шагнула за порог: по гостинной мерно вышагивал красивый молодой батюшка с аккуратной бородой. В одной руке его ритмично покачивалось кадило, другой он время от времени осеял углы моего дома. Я испытываю глубокое уважение к церкви и хотя не являюсь девицей набожной, но в присутствии служителей церкви чувствую себя школьницей, прогулявшей контрольную. Ни разу не была на исповеди, и почему, интересно, под взглядом батюшки в голову приходят мысли о собственной греховности?

В общем, я не стала поднимать шум, тихонечко скользнула в свою комнату и постаралась не подавать признаков жизни. Авось Алина про меня не вспомнит и не заставит выполнять какие-нибудь обряды. Спустя некоторое время за окном заурчал мотор машины, я выглянула из-за занавески, увидела сквозь легкую тонировку стекла окладистую черную бороду и с облегчением вздохнула. Каяться в грехах и слушать проповедь меня не заставят. В комнату протиснулась Алинина голова.

– Не слышу благодарности. Знаешь, как трудно было заполучить самого молодого и красивого батюшку в городе? Он вообще не из нашего прихода. Знаешь, говорят, что они совершенно не реагируют на женскую красоту, а мне показалось, что он на меня так смотрел... У меня даже все внутри екало.

– Екало у тебя от священного ужаса, – поправила я ее, – передо мной. Знаешь, дорогая, когда-нибудь я увижу в своем доме скопище масонов или фабрику по изготовлению бактериологического оружия.

– Ты недовольна? Ты не понимаешь, что вступила на борьбу со злом? И тебе просто необходима поддержка светлых сил и моя. Знаешь, сколько дряни выгнали мы с отцом Илией из углов твоего дома? Между прочим, выдела бы ты, как чадили свечи в твоей спальне, – хихикнула она. – Греховные мысли по ночам одолевают?

– Если бы только по ночам, – тяжело вздохнула я, – и днем тоже. Да и сейчас, если хочешь знать.

– Кто он? – запрыгнула Алина ко мне на кровать. – Почему не знаю? Ну, рассказывай же!

– Не он, а она, – проникновенно глядя в глаза подруге, ответила я, – и имя ее начинается на букву «А», и сидит она сейчас передо мной, и если она не пообещает мне, что ни под каким предлогом больше не будет водить в мою спальню чужих людей, я придушу ее на месте!

– Ладно, не напрягайся, – отмахнулась от меня Алина, – смотри лучше, чего я тебе достала.

Она вытряхнула из пакета несколько разношерстных талмудов: толстые потрепанные книжки чередовались с новенькими, в мягких обложках, среди них затерялось несколько фильмов на компакт-дисках.

– Это книги и фильмы о колдовстве. Раз ты вступила на путь борьбы с черными магами, ты должна быть вооружена. Здесь руководства, инструкции, рецепты всяких отваров, заговоры. Фильмы художественные, но и из них можно почерпнуть много полезного. Да, я записалась на курсы экстрасенсов и тебя записала, правда, там отборочные туры какие-то, но мы, думаю, их пройдем.

– Объясни мне, дорогая моя, – я старалась сдерживать себя, – как ты представляешь себе союз церкви с магией? И то и другое категорически отрицает друг друга.

– Не расстраивай меня, – рассердилась Алина. – Если я чего задумаю, все равно сделаю. Лучше скажи, как тебе батюшка? Жаль, что женат. Ты знаешь, сейчас очень модно быть матушкой? Только замуж надо выходить за семинариста, вроде, принявшие сан принимают автоматически и обет безбрачия. Вот, гадство! Значит, мне в мои года придется охмурять семинариста? Ну, ничего, сейчас модно не только быть матушкой, но находить себе мужа лет на десять-двадцать младше. Посмотри, мне платок идет?

Я не успевала за потоком вопросов и мыслей подруги, но меня это не напрягло, а скорее расслабило: уже завтра Алина забудет обо всех запланированных мероприятиях и придумает что-то новое. К тому же, несмотря на мою кажущуюся покорность, все будет так, как удобно мне. Не знаю, по иронии судьбы или велению свыше постоянно меняющиеся увлечения подруги часто играли мне на руку.

ГЛАВА 4

* * *

Все-таки полезно иметь под рукой таких свободных от условностей социальной среды помощников, как Люся и Вася. Ребята умудрились сутки не выпускать из виду мужа Ирины, им не впервой было ночевать у подъезда на лавочке, перекусывать на ходу, справлять нужду в подворотне. Уже на следующий день они предоставили мне превосходное досье на Сергея Седых, мужа Ирины.

В первый раз из дома он вышел около двенадцати, отправился в фитнес-центр. Люся купила разовый абонемент, проникла внутрь и крутилась возле формирующего красивые кубики на животе альфонса. Она смогла запечатлеть на фотоаппарат несколько моментов флирта последнего с инструкторшей. Самой важной частью этого флирта явился факт дарения симпатичного браслетика из дорогого бутика бижутерии. Несколько чмоков можно было простить, у представителей современного бомонда они не считаются преступлением, а вот транжиривание денег жены на посторонних девиц – оставим.

После занятий спортом Сергей пообедал в ресторане, оставил щедрые чаевые и заехал в нотариальную контору. Люся зашла за ним и даже пыталась подслушать, о чем говорил ее подопечный за закрытой дверью, но дверь была закрыта плотно, а секретарша блюла секреты компании весьма бдительно. Люсе удалось услышать лишь несколько имен: Ирка, Серафима, Катька. Зато от ее внимания не ускользнуло, что у Сергея и нотариуса довольно дружеские отношения: разговаривали они долго, потребовали в кабинет кофе с коньяком, вышли обнявшись.

Мои приятели здраво рассудили, что дружба с нотариусом – не рядовой случай, и разделились: Вася остался возле конторы, Люся продолжила слежку за Сергеем. Васе удалось довести нотариуса до дома и у постоянно проживающего под лестницей подъезда бомжа выяснить, что нотариус, Валерий Яковцев, разведен, сожительствует с молодой медсестрой, Катькой, нужды не испытывает. По крайней мере, в его мусорном пакете можно найти почти свежие огрызки колбасы и едва самую малость подгнившие фрукты. Вася купил в ближайшем ларьке бутылку и попросил коллегу присмотреть за мусором Яковцева: колбасу он позволил забирать себе, а вот какие-нибудь исписанные бумажки – оставлять для него. Место работы, имя, фамилию медсестры Вася аккуратно записал на ладони.

Местный бомж жил под лестницей давно, был любознательным и вежливым, выгонял из своего подъезда наркоманов и других бродяг, и жильцы относились к нему снисходительно. Один раз ему даже удалось предотвратить ограбление квартиры: услышав из своего закутка тихий разговор злоумышленников, он постучал в первую попавшуюся квартиру и попросил вызвать милицию. Грабителей задержали, а благодарные хозяева спасенного имущества самостоятельно затащили под лестницу старый диван и похлопотали за новоявленного консьержа перед участковым. Правда, не все жильцы относились к нему благосклонно, например, тот же Яковцев брезгливо морщил нос, а один раз даже пнул ногу, который необычный консьерж нечаянно высунул из под лестницы. Поэтому последний и согласился дружить с Васей против недоброго нотариуса.

Люся тоже достойно отработала обещанный гонорар: как и следовало ожидать, Сергей встретился со своей подругой: встреча была нежной, даже бурной, жила девица на последнем этаже многоэтажки, поэтому окна зашторивать не считала необходимым. По номеру, который Сергей набрал на домофоне, Люся вычислила расположение квартиры, и из окна чердака

соседнего дома сделала серию четких и не оставляющий сомнений в неверности своего подопечного снимков: простых товарищеских чмоков там даже в начале не наблюдалось, все было гораздо серьезней. Перед визитом к подруге неверный оставил в ближайшем супермаркете среднюю зарплату учителя из провинции: являться перед возлюбленной без набора деликатесов и роскошного букета было не в его правилах.

Я пролистала газету объявлений, договорилась с печником и оконной фирмой, перечислила через Интернет деньги и попросила Васю и Люсю по мере возможности присматривать за Сергеем, его подругой и нотариусом: свою работу они выполнили, и выполнили ее так хорошо, что вполне могли бы еще нарыть для меня другие, не менее важные, сведения. Вася и Люся являлись натурами деятельными, проживание на заброшенном кладбище было бедно событиями, поэтому они с радостью ухватились за мое предложение.

Ариша переживал период нового увлечения, Алина куда-то исчезла, поэтому дома я была одна, и никто не мог помешать мне работать: я пролистала на экране монитора снимки с фотоаппарата, набросала схему.

Сергей водит дружбу с нотариусом. Судя по всему, в данный момент эта дружба подкреплена общим делом: просто так в гости в рабочее время обычно не ходят. Зачем мужу Ирины нотариус? Люся говорит, что в разговоре упоминалось имя Ирины, госпожи Серафимы и некой Катерины. Катка – имя медсестры, сожительницы Яковцева. Работает она в той же поликлинике, что и подруга Ирины, Юля. Это хорошо: Юля на нашей стороне, значит, сможет дать объективную оценку этой самой подруге нотариуса. Сегодня же постараюсь к ней заехать. Но сейчас, пока не стало слишком поздно, нанесу визит Ирине: должна же я поменять банку с кофе!

Ирина все еще была на больничном. Я купила положенных в этом случае фруктов, маленький йогуртовый торт и напросилась в гости. Впрочем, «в гости» в данном случае казалось не совсем верным определением: мне надо было знать конкретно, что получил бы Сергей в случае смерти Ирины. Не зря же он провел столько времени у нотариуса!

Ирина выглядела плохо, была слаба. Набравшись наглости, я, как и в прошлый раз, заварила ей чаю, подменила отравленный кофе на новый, разрежала торт.

– Ирина, поймите меня правильно и не делайте поспешных выводов, – начала я разговор, – я должна знать, есть ли у вас завещание?

– Да, – криво улыбнулась она, – я знаю, что произвожу впечатление доверчивой, даже глуповатой женщины. Вы думаете, обеспеченная, но сексуально озабоченная женщина нашла себе мальчика на содержании и наивно полагает, что он живет с ней из-за большой и страстной любви? Я догадываюсь, что Сереже нравлюсь не только я, но и мои деньги. А что плохого в том, что он любит во мне не слабое и никчемное создание, а сильную женщину? Что плохого в том, что я зарабатываю себе возможность иметь то, что хочу? Я не воровка, по трупам не разгуливаю, у жены и детей Сергея не увела, кому я делаю плохо? Кому он делает плохо? Грани морали никогда не бывают четкими. А что касается моей наивности... знаете, у меня в жизни была ситуация, когда мужчина сделал мне очень больно. Я ему верила безоглядно, а его интересовали только мои деньги. Тогда я дала себе слово, что, как бы я ни была влюблена, как бы ни верила мужчине, все мои средства будут оформлены только на меня, а наследниками, в случае моей смерти, станут племянники. Понимаешь, это страховка не от покушения на мою жизнь, а от покушения на мою душу. Сергей знает о завещании, он никогда не просил меня переоформить на него хотя бы квартиру или его машину, он уважает мое решение и любит меня не за то, что я обеспечиваю его материально.

Вот это фокус! Какие дела могут быть у Сергея с нотариусом, если он гол, как церковная мышь? Что-то тут не сходится. В данный момент, он никак не может желать смерти супруге, иначе лишится всего, к чему привык, включая квартиру и машину.

– Бедный Сережа! Он так верит мне, а я предаю его самым подлым образом. Но я не могу иначе, не могу!

Я с удивлением смотрела на Ирину. Она плакала. О каком предательстве она говорит? Кто в этой паре безоговорочно верит партнеру?

– Перед отъездом я хотела бы увидеть результаты вашей работы, – взяла себя в руки Ирина, – вы понимаете, о чем я.

– Понимаю, – согласилась я, – и почти готова отчитаться перед вами. Но сначала объясните ваши последние слова: кого вы предаете? При чем здесь ваш муж?

– Я никому не говорила об этом, даже ему. Подруг у меня больше нет, а Сергей не простит меня. Я боюсь смотреть ему в глаза! Но утопающий обычно хватается даже за соломинку. Жизни его ничего не угрожает, я оставляю ему сумму, на которую он сможет купить скромную квартирку и существовать какое-то время. Вам я расскажу все, вы и так знаете больше других. Госпоже Серафиме открылся путь, который поможет мне полностью исцелиться и снять проклятие.

Как выяснилось, целительница не нашла ничего лучшего, как настоять на том, чтобы Ирина отреклась от всего мирского и уехала в Сибирь, в скит отшельников. По ее словам, именно в этом скиту наблюдается наивысшая концентрация исцеляющих сил природы, а святость, которая окружает это место и людей, находящихся в нем, побеждает любое проклятие. Пара лет жизни в скиту – и человек словно получает броню от сглазов, порчи, нарушении целостности ауры.

– Я понимаю, что потом мне придется начинать все сначала, но я сильная женщина, я справлюсь. А сейчас все эти жизненные блага теряют всякий смысл. В могилу их с собой не унесешь.

– Понятно, – протянула я, – вам – все бросить и уехать в Сибирь. А зачем Сергею покупать скромную квартирку? Пусть ждет вас здесь.

– Я же сказала, в скит принимают только тех, кто отречется от всего мирского. Я должна продать недвижимость и перечислить деньги настоятелю монастыря, который покровительствует скиту. При монастыре находится приют для одаренных детишек-сирот, из них готовят иконописцев и церковных певчих. Мои деньги пойдут на благое дело.

– Это вам настоятель рассказал?

– С настоятелем я общаться не буду. Серафима говорит, что мне не стоит даже показываться в монастыре – он действующий и мужской, закрыт для посещения и заперт в тайге.

– Как будет оформлена передача денег?

– Я переведу их на счет настоятеля, его реквизиты уже дала мне госпожа Серафима. – Ирина помахала перед моим носом визиткой. – И хватит обо мне. Вы обещали отчитаться о проделанной работе.

Я помолчала. Вывалить все на голову Ирины сейчас? Но я и для себя еще не все моменты прояснила.

– Когда вы планируете начать оформление продажи дома, дачи, машины?

– Как можно скорее. Я уже связалась с риэлторской компанией, но оказалось, что у меня не все в порядке с документами, пришлось заплатить за ускорение, через неделю можно начинать искать покупателя. Чтобы Сережа ни о чем не догадался, на это время я оформлю ему путевку на поездку по Европе, это на три недели, я спокойно успею все закончить и уехать. Но какое это имеет отношение к делу?

– Самое прямое. Вы правы, Сергея пока не надо ставить в известность. А отчет о выполнении моей работы я предоставляю вам завтра. Сейчас у меня на руках нет кое-каких доказательств.

Я улучила момент, когда Ирина на минуту вышла, и сняла на камеру мобильного визитку с номером счета настоятеля. Мы договорились о времени и расстались. А что, очень хитро

придуманно: Сергей подкупает Серафиму, та задурманивает голову его жене, отравляя медленно, но верно действует, единственный человек, способный все расставить по своим местам, Юля, нейтрализована и зачислена в стан злейших врагов. А в это время Сергей открывает счет и преспокойно ждет, когда благоверная распродаст свое имущество и перечислит на его счет деньги, Ирина уезжает в Сибирь и, в лучшем случае, поселяется в заброшенной деревеньке, выдаваемой за скит. Когда она вернется, жуликов уже и след простынет. А к госпоже Серафиме у нее претензий не будет: целительный таежный воздух, ограничения во вредной пище, простой физический труд выведут остатки отравы из организма, и Ирина поправится. Или не поправится. Но тогда предъявлять претензии будет уже некому.

Не откладывая, я позвонила Юле и договорилась о встрече. Она как раз заканчивала обход своего участка, и я подъехала к пятиэтажке, где она обслуживала последнего на сегодня пациента.

– Юля, в вашей клинике работает медсестра, Катерина Зубова, что вы можете о ней сказать?

– Знаете, Полина, вообще-то я не сплетница, но понимаю, что спрашиваете вы не из праздного интереса. Нехорошая у нее репутация. То в ее смену сильных обезболивающих не досчитаются, то с пациента деньги за бесплатную процедуру потребует. Она на своем участке ходит по старикам, уколы делает, так сестры болтают, что ее пациенты с какой-то странной периодичностью на тот свет отправляются. У меня нет доказательств, но по слухам, двое из них оставили ей свои квартиры. У нее сожитель нотариус, чего ему стоит грамотно оформить сделку со стариком! Еще раз повторяю, доказательств у меня нет, – оговорила Мурзина.

– А вы знаете этого нотариуса?

– Откуда? С Катькой мы не общаемся.

– Фамилия Яковцев вам ничего не говорит?

– Говорит. У Сергея есть друг, Валерка Яковцев, они со школы неразлучны. Он, кстати, тоже нотариус.

– И любовник вашей Катерины, по совместительству, – почти весело закончила я.

Теперь становилось ясно, что связывало всех четверых. Яковцев, скорее всего, помог придумать не очень далекому Сергею эту комбинацию. Катька подобрала препарат, рассчитала дозировку и проконсультировала мужа. Подкупленная госпожа Серафима позволила довести состояние Ирины до критического, рассорила ее с подругой, которая могла догадаться, в чем тут дело, убедила избавиться от всего мирского, дала номер счета Сергея, выдав его за номер счета настоятеля монастыря. Таким образом, отдав сравнительно небольшую сумму за работу нотариусу, знахарке и медсестре, Сергей становится обеспеченным человеком и избавляется от супруги.

Все просто и логично. Конечно, если бы этим делом занялась милиция, то они тоже бы поздно или рано разгадали эту комбинацию, но какой следователь заведет дело под названием: «Проклятие подруги»? Интересно, этот фактор преступники учитывали или все сложилось так удачно совершенно случайно?

– Юля, вы просто обязаны достать мне список пациентов этой Катерины. Тех, кому она помогала на дому. Желательно за последний год. Понимаю, что просьба непростая, но на кону – жизнь вашей подруги и ваша честь, простите за высокопарность. Справитесь?

– Конечно, – пожала плечами Мурзина, – сложного ничего нет, все записи в журнале в регистратуре. У меня как раз там сейчас племянница-студентка подрабатывает, девочка серьезная, болтать не будет, все выписки сделает.

Серьезная девочка подготовила мне список уже на следующий день. Работу выполнила аккуратно, каллиграфическим почерком, не забыв указать домашний адрес, телефон, дату рождения и, самое важное, дату смерти тех, кто скончался за предыдущий год. Я выписала данные на почивших и засела за телефон.

Я представлялась работником поликлиники и сварливым голосом требовала ответить, почему Иванов Иван Иванович или Петрова Дарья Никифоровна не прошли флюорографию. Чаще всего мне отвечали, что дедушка или бабушка умерли. Я повелевала перечислить всех проживающих в квартире, достигших четырнадцатилетнего возраста, напоминала о важности своевременного диагностирования заболеваний легких и вычеркивала старика из списка. Обычно фамилия хотя бы одного члена семьи совпадала с фамилией умершего пенсионера, значит, в квартире проживали наследники.

В результате проделанной работы у меня в списке осталось пять фамилий. Здесь уже без помощи представителей власти обойтись было нельзя. Я набрала номер старого друга моих родителей, полковника ФСБ Курбатова, и пионерским голосом закричала в трубку:

– Дядечка Сережечка, пожалуйста, помогите!

– Во-первых, здравствуй, – крикнул он, – во-вторых, признавайся, какую опять кашу заварила?

– Как вы могли подумать? – оскорбилась я, – просто Алинка опять с ума сошла, устроилась в пионервожатые и решила создать тимуровскую команду. Все одинокие старики на участке у нее уже в списке, а пятерых никак найти не может. Не то умерли, не то в доме престарелых, не то родственники нашлись. Представляете, адреса есть, а стариков нет!

– Так пусть в ЖЭКе узнает, – ломался полковник.

– Вы не знаете, какие там бюрократки сидят? К ним по делу-то идти страшно, работают так, будто оказывают вам огромное одолжение. А тут и вовсе слушать не будут.

– Ладно, записываю, – согласился он.

Я продиктовала ему фамилии и адреса, попросила уточнить, на кого были оформлены квартиры в случае смерти стариков.

– перезвони через часок, лгунишка, – попросил Курбатов, – и не думай, что я поверил в твою байку про тимуровцев. Если бы ты не была дочкой Андрея, и слушать не стал бы.

– Спасибо! – не обиделась я на «лгунишку».

Через час у меня на руках были необходимые данные: после смерти троих стариков квартиры продали их дети, жилплощадь двоих после кончины была оформлена на Катюку Зубову, а впоследствии перепродана.

В общем, вина этой четверки не подлежала сомнению, но мой внутренний судья требовал учитывать презумпцию невиновности, поэтому я не могла приступить к делу, не найдя последнего доказательства: открывателем счета должен быть Сергей.

* * *

План мой был настолько не рассчитан на успех, что вполне мог сработать. Если не получится сейчас, придумаем что-нибудь поумнее и посложнее. Я нашла отделение сбербанка, стоящее ближе всего к дому Ирины, выбрала время, когда в нем не было клиентов, и подошла к кассе.

– Девушка, я потеряла сберкнижку, – жалобно пронила я в окошко, – чего мне делать-то? Девушка лет пятидесяти недовольно посмотрела на меня поверх очков:

– Заполняйте заявление о восстановлении. Номер помните?

– Нет, конечно. Но я его записала.

Я внесла паспортные данные со своего второго паспорта в бланк, указала номер счета, списанный с карточки.

– Приходите завтра, – бесстрастно объявила работница сбербанка.

– Нет, мне сейчас надо, – не сдавалась я, – папка деньги перечислил, велел узнать, пришли или нет. Если сегодня не отзвонюсь, он мне голову оторвет.

– Злой у тебя папка.

– Добрый, – не согласилась я, – деньги высылают каждый месяц.

Кассирша сомневалась, и тогда я, убедившись, что других клиентов в операционном зале нет, ловко просунула в узкую щелочку купюру.

– Пожа-алуйста!

Женщина недовольно вздохнула, но деньги взяла. Пощелкала клавишами на клавиатуре и строго посмотрела на меня:

– Девушка, вы что, в тюрьму меня засадить хотите? Этот счет открыт вообще на мужчину.

– Папочка перевел его на себя?

– У вас с папочкой разные фамилии?

– Ой, – удивилась я, – значит, номер счета перепутала. Как, говорите, фамилия владельца счета?

Кассир опять пощелкала клавишами и посмотрела на меня уже не строго, а со злобой:

– Ты чего мне тут спектакль разыгрываешь? Я по фамилии посмотрела, не открывали мы на тебя никакого счета. А ну, брысь, пока я милицию не вызвала! Развелось жуликов.

Так я тебе и ушла. Счет был открыт в этом отделении, и теперь никакие злобные тетки, не предоставив мне нужной информации, выкурить меня отсюда не смогли бы.

– Не грубите мне, – с достоинством произнесла я, – ничего противозаконного я не делала. Подумаешь, ошиблась. А насчет жуликов вы совершенно правы, их действительно развелось много. И ладно еще цыгане там какие, а то, представляете, работники сбербанка! Сама видела, как одна такая даже деньги брала за простую услугу. Ужас. Кстати, у вас в зале камера для красоты висит или записывает? Хорошее изобретение. Если возникнут проблемы, может явиться доказательством. А если не возникнут, то останется простая и заурядная запись: кассир работает себе, берет деньги, как ему и положено, выдает квитанции. Вы ведь можете дать мне какую-нибудь бумажечку, будто это квитанция за оплату услуг?

Тетка оказалась не такой уж и глупой, свирепо сверкая очками, она, накарябала что-то на листке, перевернула его и просунула в окошко. Я поблагодарила, быстро сунула листок в карман и выскочила за дверь. Уже на улице достала свою добычу и прочитала фамилию владельца счета: Седых С. В.

ГЛАВА 5

* * *

Вернулась я уже под вечер. Ариша в саду мерно покачивался в кресле-качалке, лениво шуршал финансовой газетой, на плетеном столике стояла пустая чашка и маленький, наполовину пустой кофейник.

– Ариша, не смей пить на ночь столько кофе, – вспомнила я свой долг, – мы договаривались: одна чашка в день, не больше, и та – с утра.

– Не занудствуй, Полетт, – как от осенней мухи, отмахнулся от меня дед. – Ты хочешь, чтобы я испортил себе весь конец жизни? Отказался от всего, что люблю? Может, мне вообще завести себе диван, шлепанцы и отдельный телевизор? Буду смотреть сериалы, по вечерам тебе их пересказывать, стану регулярно покупать телепрограмму и кружочками отмечать интересные телепередачи. Или нет, не так. Красным кружочком – очень интересные, синим – те, которые стоит посмотреть, зеленым – спорные. Да, забыл. На каждую просмотренную передачу буду писать отзыв и отправлять на телевидение рекомендации. Согласна?

– Никогда. Уж лучше прожигай жизнь в казино, – честно призналась я.

– Вот видишь! А чашечка кофе мне не мешает, тем более что спать никто не собирается. Я проснулся около обеда, надо же мне когда-то жить? Вот сейчас поболтаем, поделимся новостями, проведем приятный вечер в компании интеллигентных людей, а потом ты отправишься спать, а я – прожигать жизнь, как ты изволила выразиться.

– Какие интеллигентные люди? У нас гости?

– Нет, конечно. А интеллигентные люди – это мы с тобой. Мне лично никогда не надоела твоя компания, мон ами. А теперь о деле. Мне удалось узнать, что госпожа Серафима когда-то была модной целительницей в рядах бомонда, но мода – модой, а слухи – слухами. Ее предсказания давали осечку, болячки не излечивались, и после пары крупных скандалов она стала пользоваться репутацией весьма слабенького экстрасенса. А слабый экстрасенс, как ты понимаешь, опаснее сильного.

– Не понимаю, – призналась я.

– Давай я нарисую тебе примитивную картинку снятия порчи или какой прочей гадости. Предположим, целитель снимает ее с несчастного. Что он потом делает с этим сгустком отрицательной энергии?

– Ну, прячет в специальную коробочку или в форточку выпускает, – как примерная ученица, стала вспоминать я эпизоды из мистических фильмов.

– Приблизительно так. Только вот эта энергия – не носовой платок и не осенняя муха. Ее не так просто изловить и очистить от нее помещение. Сильный целитель с этим справляется и выкидывает ее в форточку, то есть направляет в астрал, где она растворяется. А слабый часто не в силах нейтрализовать темную энергию, и либо вбирает ее в себя, что плохо для него, либо оставляет в помещении.

– И что дальше? – с искренним интересом спросила я.

– А дальше эта энергия сидит себе в углу, пока к целителю не попадает человек с наиболее незащищенной аурой. Она прицепляется к нему и спокойно удаляется из кабинета. А потом посетитель удивляется: пришел к целителю заговорить бородавку, а через три месяца – саркома.

– И что, у госпожи Серафимы бывали подобные случаи?

– Подобные не подобные. Разве магия поддается какой-либо классификации? Просто из-за доверия к этой даме несколько человек поздно обратились к врачам, отсюда либо крайне запущенное состояние, либо летальный исход.

– Дедулечка, – взмолилась я, – ты не представляешь, как мне нужны данные на ее клиентов! На тех, что с летальным исходом. Ну что мне сделать, чтобы ты их раздобыл?

– Пару сэндвичей и что-нибудь из Нейгауза.

Я не стала торговаться, красиво разложила на старинном, еще до революции выпущенном небольшом блюде бутерброды и принесла из своей комнаты саксофон. Ариша откинулся в кресле и закрыл глаза. Колени его были укрыты клетчатым пледом, сад уже тронула осенняя позолота. Мой дед – эстет с хорошо развитым образным мышлением. Он явно видел себя со стороны и наслаждался картинкой: красиво и благородно стареющий мужчина, неухоженный, но уютный осенний сад, молодая изящная женщина, играющая на саксофоне. Что ж, информация стоила этого небольшого эстетического наслаждения.

– Ариша, – тронула я за плечо задремавшего деда, – мы договаривались на одного Нейгауза.

– Хорошо, моя прелесть, – сквозь дремоту отозвался он, – возьми листок в моем бюро.

– Ты хочешь сказать...

– Конечно, дорогая, минувшей ночью я раздобыл для тебя эти сведения. Твой дед не так стар и несообразителен, как тебе кажется.

Я поднялась в кабинет деда, открыла бюро и нашла список, состоящий из трех человек. Последней графой в списке данных была дата смерти.

За ужином я полуофициально поблагодарила деда за оперативность, он театрально раскланялся.

– Ариша, у меня дилемма, – пожаловалась я. – Понимаешь, одна молодая сволочь травит стариков за квартиры, а мне не приходит в голову ничего, достойного ее преступления. Не в милицию же ее сдавать.

– Во-первых, не употребляй бранных выражений, дорогая, не забывай, что ты ведешь свое происхождение из дворянского рода. Во-вторых, скажи, чем тебе не нравится милиция?

– Во-первых, не забывай, что мои дворянские предки не погнушались перемешаться с пролетариями, – парировала я, – а во-вторых, доказательств нет. Нужен упорный и въедливый следователь, который не пожалел бы времени и усилий на поиск доказательств ее вины. Скорее всего, ему пришлось бы искать подсадную утку и ловить преступницу на живца, а в нашем городке я ничего о таких следователях не слышала. Да и времени у меня нет.

– Ты уверена в ее виновности?

– Стопроцентно. Правда, я на нее вышла по другому делу, но и за стариков она должна ответить.

– По другому делу... но занимается она стариками... – бормотал дед, закрывая глаза, – раз она любит обижать беззащитных стариков, – поднял он голову, – пусть какой-нибудь хорошо защищенный старик обидит ее. Не гнушайся приемами нашей доблестной милиции, дитя мое, найди подсадную утку.

В эту ночь дед мой не просто шел прожигать жизнь, он шел выполнять мое очередное задание. И, кажется, это возбуждало его больше, чем хитрые карточные комбинации.

Если он сможет мне помочь, одним выстрелом я расправлюсь и с жадной до чужой собственности медсестрой, и с Яковцевым. Эти двое, насколько мне известно, работают в паре. Но сначала мне надо открыть глаза Ирине.

– Ирина, завтра утром я буду у вас и доложу о результатах своей работы. Но вы должны беспрекословно меня слушаться: сегодня я купила Сергею абонемент в спа-салон на весь завтрашний день. Подарите ему от своего имени. Ничего не объясняйте. Можете делать тайн-

ственный вид, но даже случайным намеком не дайте понять, что происходит. Впрочем, вы и сами заинтересованы в том, чтобы раньше времени он ничего не узнал. Я не ошибаюсь?

– Нет.

– Загранпаспорт у вас в порядке?

– В полном. А что случилось?

– Узнаете завтра. И еще: скажите, у вас нет какого-нибудь объемного старогохлама? Такого, чтобы было не жалко выбросить?

– Кое-какие старые вещи, обувь, – пожала плечами Ирина.

– Не годится. Может, старый ковер или палас?

– На антресоли в шкафу-купе лежит старый ватный матрас. Честно говоря, никак не соберусь его выкинуть. Толку от него нет, весь давно сбился, а места занимает много. Подойдет?

– Попросите Сергея завтра утром отнести его на помойку. Только запакуйте так, чтобы не было видно, что он выносит. Договорились?

Спа-салон открывался в девять утра, я приехала раньше. Из окна машины видела, как Сергей вышел из дома с огромной сумкой, помахал ручкой кому-то в окне, послал воздушный поцелуй и выехал со двора. Я вышла из машины и зашла в подъезд. Для сегодняшнего мероприятия мне нужен был полный день, поэтому Сергея пришлось нейтрализовать самым удобным и приятным для него способом. Пока он не пройдет все положенные процедуры, из салона не выйдет, значит, не помешает мне выполнить задуманное. Для начала предстоял тяжелый разговор с Ириной.

Сначала она слушала молча, потом возмущенно вскочила, попыталась что-то объяснить, но я выложила перед ней первую партию доказательств: фотографии, которые сделала для меня Люся. На всякий случай, я захватила с собой нитроглицерин и валидол, но Ирина оказалась сильной женщиной, она смогла взять себя в руки и уже не мешала мне рассказывать дальше.

Это было жестоко, но это была правда, и скрыть что-либо от нее я не имела права. Заключение о содержимом банки с кофе, данные на госпожу Серафиму, фамилии и фотографии загубленных ею людей, фамилия владельца счета, на который Ирина должна была перечислить деньги, прежде чем удалиться от мира, информация о Яковцеве, постоянно бывавшем у них в доме и целовавшем ручку хозяйке, – все это могло сломить натуру более слабую, но Ирина выдержала. И вообще, сегодня она выглядела не в пример лучше: любимый мужчина уже не носил ей по утрам в постель отравленный кофе, и этот факт не замедлил сказаться на ее внешнем виде.

– Ирина, – подытожила я, – вы сейчас же должны собраться и уехать из города. Мы с вашей подругой нашли вам первоклассный санаторий. Там вам снимут последствия отравления, подправят сердечно-сосудистую систему и, вообще, проведут полное обследование. Известно, какой еще вред мог нанести препарат. Кроме того, этот санаторий специализируется на общей чистке организма: приведете в порядок кожу, похудеете, помолодеете. Только ехать надо прямо сейчас. Путевка, ваша больничная карта, направление, заключение и прочие бумаги готовы. Телефон отдадите мне, вот вам другой. Необходимые вам номера в него забиты.

– Я не могу, – заупрямилась она, – пока я не посмотрю в глаза этому подонку, я никуда не поеду. И Юля. Как я могу уехать, не повидавшись с Юлей? Я так виновата перед ней. Уже не в первый раз она пытается помочь мне, а я... Господи, я ведь хотела ее смерти! Я наняла вас для того, чтобы уничтожить ее! Я должна ее видеть. И родственники... и работа.

– Юля придет на вокзал, – успокоила я ее, – она в курсе происходящего и очень помогла мне. С работой я все улажу. Родственникам придется поволноваться, но это необходимо для вашей безопасности. Ирина, теперь – о главном. Ни одна живая душа не должна знать о том, куда вы едете и, вообще, живы вы или нет. Собирайте вещи, я отнесу их в машину. Потом вы наденете мой плащ, этот парик и сядете ко мне.

– Зачем такие предосторожности? Моя совесть нечиста только перед подругой. А получается, что я бегу, словно преступница.

– Вы не снимаете заказ? Виновные в ваших бедах должны понести наказание? Тогда выполняйте мои указания в точности и не задавайте вопросов. В противном случае, идите в милицию.

Ирина внимательно посмотрела на меня, потом улыбнулась и кивнула головой.

– А знаете, Полина, я решила вам довериться. В милиции наверняка опять нарвусь на мужчину-следователя, а чем больше я живу, тем больше подозреваю, что доверять можно только женщинам.

– Серафима тоже женщина, – охладила я ее пыл, – и медсестра, научившая вашего мужа методике сведения вас в могилу. Поэтому лучше не доверяйте никому. Собирайтесь.

Собралась Ирина действительно оперативно, выехать со двора нам удалось незамеченными, на вокзал мы приехали за полтора часа до отправления поезда. Юля, как и обещала, ждала нас там с пакетом медицинских документов для санатория. Встреча подруг прошла настороженно. Юля, несмотря на сочувствие, все еще таила обиду, Ирина тоже чувствовала себя неуверенно. Я предложила им подождать отправления поезда в кафе и, сославшись на дела, оставила их вдвоем. Я и не думала уезжать до тех пор, пока Ирина не окажется в полной безопасности, я не могла чувствовать себя свободной в своих действиях. Поэтому я пристроилась неподалеку, в зале ожидания. Мне хорошо было видно площадку, на которой располагалось кафе. Наверное, и меня было неплохо видно, но подруг я не интересовала в данный момент.

Сначала разговор шел вяло, неуверенно, чувствовалось, что женщины подбирают слова для начала серьезной беседы. Потом более чувствительная Юля заплакала. Глядя на нее, достала платок и Ирина. Теперь они перебивали друг друга, стараясь выговориться, объяснить, оправдать себя в глазах друг друга. Уже объявили посадку, а они все сыпали и сыпали словами. И стоило ссориться из-за мужика?

Наконец женщины встали, Юля проводила Ирину до вагона, дождалась, пока та скрылась в купе, и вышла на стоянку такси. Я подкатила к ней со спины и нажала на кнопку клаксона. Юля узнала мою машину. По дороге домой я еще раз напомнила ей, что, если кто-то станет интересоваться исчезновением Ирины, она ни в коем случае не должна проявлять свою осведомленность, даже если этими «кто-то» будут работники милиции. У ее дома мы распрощались: подруга Ирины сыграла свою роль, больше ее услуги мне не требовались.

Дома я застала редкую идиллию: Ариша и Алина мирно распивали в саду чай из больших глубоких чашек. В огромном блюде горой лежали какие-то гигантские плюшки, над вазочкой с вареньем одиноко кружила последняя осенняя оса. Дед настороженно относился к моей подружке, уж больно много сумятицы вносила она в наш спокойный размеренный быт. При ее обычно громком появлении он старался незаметно скрыться у себя в комнате, а если дело происходило вечером, на всю ночь удирал в казино. Алина же искренне любила Аришу и поэтому никогда не обижала его невниманием: охватывала своей заботой не меньше, чем меня. Но сегодня был редкостный день перемирия. Ариша любил вкусно покушать, а бабушка Алины пекла потрясающие пироги необъятных размеров, поэтому причину сегодняшнего благодушия деда я угадала сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.